

ВЕСТНИК ГЕОСОФИИ

XXI век

№14

Содержание

Вопросы теософического учения

Е. П. Блаватская. Протоколы ложи Блаватской 2

Сравнительное изучение

Е. П. Блаватская. Об Артуре Шопенгауэре 10

Практическая теософия

Т. Субба Роу. Комментарии к роману А. Синнетта «Карма» 11

А. Хэнлон. В четвёртое измерение 12

Работа Теософического Общества

А. Безант. Основа Теософического Общества 22

Теософические исследования

Х. С. Олкотт. Психометрия и чтение в акаше 25

Страницы истории

Н. Рейнке. Воспоминания о работе Житомирского отдела Т.О. 28

Е.П. Блаватская

ПРОТОКОЛЫ ЛОЖИ БЛАВАТСКОЙ

(Продолжение. Предыдущие см. в №8–10, 12–13)

Собрание ложи Блаватской 2 мая 1889 г.

Председательствует м-р Кингслэнд

Вопросы зачитывает Б. Кийтли

Б. Кийтли: Вы цитировали это высказывание: «И произошла на небе война...» (Откр. XII.7) и т.д. (зачитывает из «Тайной доктрины», с. 194/251).

Вопрос 1

«Михаил и его ангелы воевали против дракона и его ангелов».

Что именно здесь означает «дракон»?

Блаватская: «Дракон» означает столь многое, мои возлюбленные братья, что мой ответ будет зависеть от того, что вы имели в виду этим вопросом. В каком из семи символических смыслов вы хотите, чтобы я объяснила это? Если ответ касается Откровения, тогда я не могу его дать, так как вступила бы на запретную территорию — не потому что я христианка, ведь Откровение Иоанна — не христианский труд, а просто христианизированная форма пророчества, которое всеобщее — и я могу вас заверить, — является одной из самых оккультных вещей для всякого, кто его понимает. А астрономически — в одном из смыслов, ибо есть несколько — «Дракон» это Луна, производящая солнечное затмение. Все вы это знаете, а астрологи — лучше, чем кто-либо ещё. Мистически, в общем, это материя или низшее «я».

Его называли «драконом», над которым солнечный дух, или высшее Я, в испытаниях посвящения одерживает победу. Есть и третье значение, тоже оккультное; оно — в «Тайной доктрине» и связано с аллегорическим «падением». Дракон символизировал тут сынов мудрости, воплотившихся в человечество и так попавших в ад материи, который — наши тела, потому что нет ада вне наших дорогих личностей, которые здесь. Это человечество, и на этой Земле — ад, и нигде ещё. В-четвёртых, в эзотерической аллегорической истории «Дракон» представляет тайную мудрость, которая была затемнена и изгнана мёртвой буквой догмы и ритуализма; тогда как в-пятых христианское богословие воспользовалась всеми этими языческими легендами для выстраивания догмата о «Сатане» — первейшего столпа христианской религиозной схемы, потому что если не было бы чертей, не было бы и христианской религии. Уберите Дьявола, и что останется? Зачем должен был приходить Христос спасать, и кого? Так что Дьявол в действительности великая опора христианства, так что вы (все из вас, кто разделяет эти чувства) должны иметь к Дьяволу огромное уважение. Это мой совет всем вам; я не полагаю, что кто-нибудь из вас его примет.

Б. Кийтли: Далее вы сравниваете космогонию древних гностиков с космогонией «Тайной доктрины» и говорите о «семи звёздных».

Вопрос 2

«Семь звёздных», будучи продуктом астрального света и слепой материи, должны быть злы (с. 195/252). Является ли тогда влияние семи планет всецело злым в том, что касается человека?

Блаватская: Я так не думаю. Зачем нам оскорблять бедные планеты? Термин «планеты» здесь вовсе не относится к семи священным планетам, а означает, что это просто планетные тела в нашей системе. Если это выражение ошибочно или ведёт к каким-то окольным толкованиям, вам следует сделать отметку и в следующем издании его изменить. А вот что оно значит. Семь злых Звёздных — это потомство Сатурна и Луны. То есть у назореев повреждённость, представляющая в каком-то смысле слепую, неистовую материю, вечно пожирающую собственное потомство, тождественна с Сатурном, тогда как [ ], мать этого [ ], у назореев Луна, в то же время она — низший астральный свет. Некоторые мистики утверждают, что семеро злых Звёздных представлены семью лунами, тогда как их восемь. Есть древняя коптская легенда, рассказывающая, как мать, или Луна, после своего союза и соединения со своим сыном, Сатурном, чтобы не дать ему пожрать его собственных детей, низвергла их на землю, где они стали семью смертными сынами. Это им преписывается потустороннее всего материального на земле. Даже западные астрологи знакомы со зловредными последствиями соединения Сатурна с Луной. Мистер Олд, скажете нам теперь что-нибудь об этом? В каком отношении это плохо?

Олд: У этого много интерпретаций, и влияния очень разнообразны. Это всецело зависит о коренной склонности принять какую-то конкретную форму зла, как например, врождённые склонности к испорченности, которые, как вы понимаете, не что иное, как кармический гороскоп. Если склонности были к видам зол, связанных с возбудимостью и воинственностью, болезням воспалительного характера или резкому, порывистому умонастроению, тогда конечно под влиянием Сатурна они не придут в той же степени. Но если вы предрасположены к меланхолии, и так простужаетесь и страдаете от всех этих зол, возникающих от стеснения и сдавливания, от замезания, тогда вы определённо попали под влияние Сатурна в момент соединения и соответственно положению в вашей собственной кармической карте. Тогда вы будете страдать соответственно этому. Так что, вы видите, это полностью зависит от углового расстояния относительно положения рождения, а также от знака зодиака, из которого это проникает.

Блаватская: Я думаю, в астрологии есть много хороших вещей, только вот как-то, так или иначе, они не вычисляются так, как мы. Конечно, она приходит к тем же результатам, но есть разница.

Б. Кийтли: Сатурн считается в астрологии наиболее вредоносной из всех планет.

Олд: Конечно. И в то же время, как вы знаете, сказано, что происхождение этого имени — [ ], чистый огонь. Так что у него есть и противоположный аспект — и в этом смысле где большее зло, там и большее благо.

Блаватская: Как с индусским Шивой. Он разрушитель, потому что он — возрождающая сила, потому что семя не может прорасти, не разрушившись сперва; он разрушает только чтобы возродить.

Олд: Я заметил это, когда вы говорили о драконах — то есть, о [Скорпионе], восьмом знаке зодиака, который соответствует VIII дому (дому смерти), а вы знаете, что 8 — очень плохое число.

Б. Кийтли: Ну, всё это материя, материя, материя.

Олд: И хотя вы сказали это, у меня нет сомнений, что замечено, что они также символ древней мудрости.

Блаватская: Все «драконы», которых я буду давать вам снова и снова, — были эмблемами. Сынами драконов называли посвящённых. В Китае, где драконы также были символом власти и императорской фамилии, драконы считались высокими существами. Это аллегория.

Олд: Полагаю, утверждение в Новом Завете — гностическое? (цитирует).

Блаватская: Определённо, да.

Вопрос 3

«Старшие колёса вращались вниз и вверх...» (с. 199/255). Относится ли выражение «вращались вниз и вверх» к «выдоху», занимающему первую половину всякой манвантары, и «вдоху», имеющему место во второй её половине? Или это имеет отношение к вращению, происходящему в лайа-центрах, на которых образуются колёса?

Блаватская: Это не относится ни к тому, ни к другому, а ещё к чему-то, что я сейчас не могу выдавать. Вам придётся этого подождать. Имейте немного терпения.

Вопрос 4

Вы говорите, что человек пробуждает к жизни и деятельности три «сиденья». Вы имеете под этим в виду, что у этих «сидений» нет жизни и деятельности на своих собственных планах, т.е. они не имеют её сами по себе, или же просто что наше человеческое сознание на этом плане должно быть пробуждено, чтобы воспринимать и отражать их деятельность?

Блаватская: Это относится к тому, что сказано в «Тайной доктрине», и весьма ясно; какими бы ни могли быть три высших «сиденья» в космосе, соответствующие три высших «сиденья» в человеке — назовём ли мы их состояниями или «сиденьями» сознания или же принципами — должны быть пробуждены, прежде чем их можно будет настроить на три высших плана космоса. А как только они так настроены, будет достаточно знания об их источниках и началах. Этого знания достаточно. Кроме того, «Тайная доктрина» изобилует этим. А я не собираюсь отвечать о вещах, которые «Тайная доктрина» объясняет. Если вы, задающие эти вопросы, не удосужились прочитать «Тайную доктрину», я не собираюсь повторять это, как попугай, потому что совершенно бесполезно задавать мне вопросы, которые объяснить невозможно. Задавайте мне те вопросы, которые тёмные, и тогда я вполне готова быть к вашим услугам, но не о том, что гораздо лучше изложено в «Тайной доктрине», чем могу дать я.

Олд: Видите ли, Е.П.Б., я немного приложил руку к формулировке этого вопроса. И в какой-то мере мы тут остаёмся в темноте, потому что, хотя, возможно, о нём и можно где-то справиться и полная информация где-то есть, тем не менее, за вечер, которым мы были ограничены, это не дало мне представления, что была какая-либо деятельность сама по себе.

Блаватская: Где — в человеческих «сиденьях» или в космических?

Олд: В человеческих, поскольку вы говорите об их пробуждении.

Блаватская: Конечно же, там нет. Но как только они пробуждены, они должны быть настроены на сиденья космических планов, иначе же, я могу вас заверить, это не даст хороших результатов, потому что человек станет Франкенштейном-младшим — всем самым отвратительным. Ведь такие — это те редкие случаи, когда высшие силы пробуждены и им дано плохое применение материей, которая настолько сильнее, что заставляет человека пускаться в худшие из пороков и чёрную магию, а потому он кончает в авичи. Это те самые редкие случаи, о которых говорится в «Эзотерическом буддизме».

Б. Кийтли: Это то, что Синнетт называет «злой духовностью»?

Олд: Предшествует ли подъём духовного сознания этому пробуждению или приходит после него? Или он — причина пробуждения?

Блаватская: Причина пробуждения в значительной степени зависит от высшего манаса и от того, как он воспринимает вселенную и способен отличать правильное от неправильного — ибо у человека в самом деле

есть способность распознавания того, что в универсальном смысле неправильно (я не имею в виду кодекс чести миссис Гранди¹). Тогда он сможет настроить свои сиденья на сиденья высшего космического плана. И тогда он станет един с Природой, станет её сотрудником; он будет помогать Природе, и потому Природа будет помогать ему. Но, джентльмены, к сожалению, эти три — кроме как у людей, ведущих очень возвышенную жизнь — определённо не пробуждаются. Есть высший манас, разум в человеке и физический мозг. Мы видим множество интеллектуальных людей, но они — не более, чем высокоинтеллектуальные животные. В них нет духовности.

Олд: Не сказали вы бы скорее так, что это люди, индивидуумы, не пробуждаются к существованию этих трёх высших принципов, а не принципы пробуждаются?

Блаватская: Я никогда не говорила, что нужно пробудить космические сиденья. Пожалуй, там плохо сформулировано, но это вина редакторов. Видите ли, у меня нет чувства английского языка, и у меня было 6 или 7 редакторов, и они сделали из этого полную мешанину. По мне-то это было отлично написано. И если мне случилось написать так, что это ведёт к ошибке, правильно было бы отметить это и исправить во втором издании.

Б. Кийтли: Думаю, в некоторой степени это удалось выразить, потому что она здесь говорит: «Ему остаётся настроить три высших состояния в себе, но прежде, чем он сможет это сделать, он должен пробудить «сиденья» к жизни и деятельности» [т. I, с. 199/257].

Блаватская: В космосе-то вовсе нет «сидений». Это всё равно, что сказать, что комар может повлиять на Гималаи.

Олд: Вы имели в виду — нужно пробудить их соответствия на этом плане.

Блаватская: Именно.

Кингслэнд: Если бы вы вместо «сиденья» сказали «чувство» или «принципы», путаницы бы не было. Не думаю, что «сиденья» — совсем подходящее слово.

Блаватская: Почему бы вам не отметить это для 2-го или 3-го издания?

Кингслэнд: Даже «чувство» и то было бы лучшим словом, чем «сиденья».

Б. Кийтли: Это оккультные слова.

Блаватская: «Сиденья» означают проводники.

Б. Кийтли: И это дано в кавычках.

Олд: Мы совершенно правы, говоря, что знаем мы это или нет, деятельность этих трёх принципов — атмы, буддхи и манаса — вся проходит на их собственных планах.

Блаватская: Да, но не по отношению к человеку. Они не влияют, так сказать, на низшую четвёрку, которая есть личностный человек. У них определённо есть своя деятельность, но она не влияет, и потому низшая четвёрка остаётся животным, личностью, которая для еды, питья, эгоизма, делания денег, политики и так далее. Желаю им радости.

Вопрос 5

На диаграмме² ход и нэцах изображены лежащими сразу на двух планах, что не так для соответствующих «глобусов» в восточной системе. Это намеренно?

Блаватская: Это сделано не намеренно, а в силу неизбежности. Мы живём в трёхмерном пространстве, и нам дан ограниченный набор геометрических фигур. Ход и нэцах не на двух планах сразу, но сферу нельзя хорошо наложить на прямую линию иначе, как создав видимость, что они на двух планах; как иначе я могла сделать? Диаграмму не удавалось сделать по-другому, если вообще сохранять ортодоксальное каббалистическое расположение. Имейте в виду, что я взяла 7 нижних се-

1 Т.е. принятые в обществе представления о морали и приличиях; Гранди — персонаж романа Т. Мортон. — Прим. пер.

2 Диаграмма III (станца IV.6), с. 200 оригинала и с. 256 русского издания 1937 г.

фирот, а не все 10. Другие я оставляю и не упоминаю их здесь. Они составляют полную десятку на четырёх планах: архетипическом мире, интеллектуальном и так далее; я не могла этого сделать, потому что у нас семеричная вещь и я должна была их туда втиснуть. Более того, памятуя, что диаграмма сефирот — на четырёх планах, и состоит в каббале из 10 сефирот, как можно расположить это иначе, когда используются только 7 нижних сефирот? Халдейская каббала, и более того, Книга чисел, находятся в совершенном согласии с восточным расположением и не совпадает с современной ортодоксальной каббалой в её диаграммах. Это не ошибка в «Тайной доктрине». А теперь смотрите сюда. У меня был раввин, у которого была настоящая Книга чисел, и есть ещё одна; я за всю жизнь видела только две, и не думаю, что где-то есть ещё. У него были фрагменты халдейской каббалы. Когда я сделала заметки (у меня были большие книги) и стала сравнивать с переводом Розенрота,¹ то увидела, что они изменили её самым удивительным образом. Как у вас может быть каббала [халдеев], когда каббала была полностью утеряна ещё в XIII веке? Моше де Леон, которого обвиняют в подделке (что полная чепуха) взял всё, что смог найти.² Что же он сделал? Поскольку столько звеньев отсутствовало и столько вещей было утрачено, он отправился к восточным христианам и халдейским гностикам и попросил их о помощи, поскольку у них была своя собственная каббала. А в результате теперь вы найдёте там больше вечных христианских мотивов — деу Марию, Иосифа и т.д., чем мудрости древних [халдеев]. Таков результат. А в халдейской каббале, в Книге Чисел, мудрость еврейских посвящённых, но вы не извлечёте её оттуда; туда так вмешивались, и что бы ни говорили господа Айзек Маер и Матерс, я скажу, что там больше чепухи, чем истины. Там так, как говорит Маер, слышали ли вы, м-р Кобб³, об Айзеке Маере, написавшем «Каббалу»?⁴

Кобб: Не слышал.

Блаватская: Он совершенно верно пишет, что писаная каббала написана в XI веке, будучи записана Бен Иудой.⁵ Они думали, что этот человек был арабским философом. Замечательно, он дал эти вещи совершенно. Многие из отрывков у него совершенно каббалистические и точно такие, как халдейская каббала, тогда как вы этого не найдёте, если сравните одно с другим. Я скажу, это больше, чем то.

Мид: Эти халдейские гностики были ли гностиками [ ]?

Блаватская: Да. У них было достаточно догм, чтобы привести всё в путаницу, и вот почему вы обнаруживаете, что почему этими методами, этими гемарами,⁶ вы можете получить всё, что вам угодно; вы можете найти в каббале Вашингтон и президента Соединённых Штатов: вы можете найти в каббале что угодно.

Кингслэнд: Есть ли ещё вопросы по этой диаграмме?

Б. Кийтли: Есть вопрос, относящийся к примечанию к диаграмме.

Вопрос 6

Можете ли вы более ясно определить термин «Космическое сознание»?

Блаватская: Это лёгкий вопрос. «Космическое сознание» было определено в «Тайной доктрине» сотни раз как совокупное или коллективное сознание тех дхьяни, или дхьян-чоханов, которые называются строителями

вселенной, физической и духовной, или то, что масоны называют (сделав из единства множество) архитектором или В.А.В. [Великий Архитектор Вселенной], так что космическое сознание придёт потом.

Кингслэнд: Тут у меня был вопрос.

Кийтли: с. 199/257, последний абзац.

Вопрос 7

Вы сказали об «этих семи планах, соответствующих семи состояниям сознания у человека», а во второй сноске к диаграмме вы говорите: «Это четыре низших плана космического сознания; три же высших недоступны человеческому интеллекту в его нынешнем развитии. Семь состояний человеческого сознания относятся к совсем другому вопросу». Мне кажется, что две эти цитаты противоречат друг другу. Какова же тогда связь между семью планами, как они даны на диаграмме, и семью состояниями сознания? И каков тот «другой вопрос»?⁷

Блаватская: Ах! Видите, вы хотите, чтобы я дала вам три тома, а я не могу. Запомните только одну вещь, что семь состояний сознания человека — не только состояния сознания, как понимает их Герберт Спенсер, но также и чувство, сознание «я». Например я курю сигарету и навязываю это вам, и т.д. Есть много состояний сознания. Те, о которых я говорю, принадлежат к одному порядку, а другие — к другому. Я не хочу сказать, что они не одни и те же, но во всех них есть бесконечные градации. А есть и более высокие состояния метафизического сознания. Можно ли сравнить их с тем сознанием, в котором я взяла сигарету и курю её?

Кингслэнд: Каков порядок тех состояний сознания, которые относятся к семи планам? Всё это будет видно через аналогию. Если вы прочитаете это потом, вы найдёте, что всё сходится.

Б. Кийтли: Не знаю, законно ли это, но именно это меня поразило. Семь состояний человеческого сознания — это практически семь состояний сознания на земном плане.

Блаватская: Есть сознание, когда мы спим, во время сна, и сознание, когда мы бодрствуем. Есть сознание, когда мы механически смотрим на что-то. Есть одно сознание, которое принимает внешние предметы, и другое, которое витает в облаках. Есть много степеней сознания, и вы не можете назвать всё сознание одним.

Б. Кийтли: И всё же давайте займёмся семью планами космического сознания.

Блаватская: Есть сознание того, что я определённно в Индии с этой лампой, а есть, что я на Северном Полюсе.

Б. Кийтли: Я думаю, вот в чём разница — семь человеческих состояний аналогичны семи космическим, но охватывают гораздо меньший диапазон.

Кингслэнд: Факт в том, что семь состояний сознания есть на каждом из семи планов.

Блаватская: Помните, что сказал на днях Кобб. Он начал приводить нам математический ряд, который никогда не кончается. Это был какой-то седьмой вопрос, который меня взбесил, и который задавали сотни раз. Я сказала, что это было сказано в «Тайной доктрине» очень ясно, а я отказываюсь отвечать на вопросы, которые уже были изложены в предыдущих сочинениях и

1 Кристианн Кнорр фон Розенрот, христианский каббалист (1631–1689), известный своим латинским переводом еврейских текстов «Kabbala denudata» (Разоблачённая каббала), три из которых были переведены на английский С.Л. Матерсом в 1887 г. (Здесь и далее — примечания редакторов английского издания, если не указано иначе).

2 Моше бен Шем Тов де Леон (Моисей Леонский) — испанский раввин и каббалист (1250–1305), опубликовавший книгу Зоар, приписываемую раввину II в. н.э. Шимону бар Йохан.

3 Джон Сторер Кобб (1842–1904), один из первоначальных членов Совета Теософического Общества с его нью-йоркских дней.

4 Айзек Маер из Филадельфии (1836–1902), чью «Каббалу» Блаватская цитирует в «Тайной доктрине» (Isaac Myer, «Qabbalah»).

5 Соломон ибн Габриоль.

6 Гемара — часть Талмуда, трактующая раввинистический закон; возможно, тут имелась в виду гематрия, связь между словами и их цифровыми значениями.

7 Для большей ясности вопрос был немного переформулирован и приведена более длинная цитата, чем дал Кийтли. — Прим. пер.

в «Тайной доктрине», а также на которые я уже отвечала по четвергам. Я отказываюсь тратить время вечеров по четвергам на повторения.

Б. Кийтли: Хорошо, вопрос 8.

Вопрос 8

В оккультизме термины «семя» и «атом» — синонимы? (с. 200/258)

Блаватская: Вот так-то! Разве это не одно и то же?

Б. Кийтли: Вы здесь даёте намёк по поводу вопроса, за [ответом на] который мы долго охотились: истинный смысл слова «атом».

Блаватская: Вы самые дотошные люди, каких я только встречала. Если бы не ваши штаны, вы бы все были матерями Евами, все из вас! Вы самые любопытные люди, которых я только видела в жизни, и вы всюду нахально суете свои носы. Нельзя приходить и спрашивать одну вещь за другой, во вторник после понедельника, в среду после вторника и так далее. Вы хотите скакать от понедельника к субботе, а от субботы — в Галифакс. Честное слово, у меня уже кончилось терпение.

Вопрос 9

Можете ли дать нам более определённое представление — к примеру, аналогии на физическом плане — о том, что здесь имелось в виду под «космическим желанием», которое «развивается в абсолютный Свет»? (с. 201/258)

Блаватская: Вот теперь вопрос для скромной девушки. Ответ можно найти даже в космогонии Гесиода. Какая польза в попытках изучать оккультизм и восточную эзотерическую философию, не ознакомившись ещё с эзотерической классикой? В «Тайной доктрине» ответ на это есть. А теперь я вас проэкзаменую. Вы читали космогонию Гесиода, Олд?

Олд: Нет.

Блаватская: Будьте добры, отправьтесь в Британский Музей и прочитайте её. Кобб её читал.¹ Если вы её не читали, что я могу поделаться? Тем не менее, я попытаюсь опять объяснить это в нескольких словах. Возьмите Гесиода и постарайтесь понять, что он говорит, а ещё лучше — финикийскую космогонию [Филона Библиско-го]². Там вы обнаружите, что то, что [Филон] называет чистой силой, есть творческое начало. Это тождественно с волей Брахмы творить, о которой вы много раз читали в Вишну-пуране. В первоначальных космогониях мира хаос — это не то, чем он стал позже, или то, на чём Дух Божий носился над водами. Это не [хаос] Овидия, материя в своём инертном, перемешанном или хаотическом состоянии. Хаос, согласно Аристотелю, был пространством, зияющим пространством или пустотой — [кеноном].³

А после Гесиода хаос стал абсолютно беспредельным, тёмным безбрежным облаком паров, которое дало рождение вселенной. А если вы вспомните, что первым из трёх изначальных элементов при первом трепете дифференциации у Гесиода был Хаос, а без Эроса элементы никогда не были зачаты (потенциально сосуществуя в вечности), вы, возможно, поймёте, что я говорю — Эрос был не более, чем изначальной Венерой. [а не тем], чем они оба стали в более поздние века. Сейчас эрос означает просто человеческую любовь и нечто худшее, но тогда он означал самую торжественно метафизическую и божественную вещь. Эрос вначале не был своенравным богом любви и страсти с крылышками и стрелами, чтобы ранить ими сердца сентиментальных простушек. Да и таких дурочек не было, и ещё даже не было достаточно мужчин; а тот, кто сейчас — бог человеческой любви, был просто абстрактной идеей и образом божественной творческой силы — той вселенской силы притяжения, которая заставляет честицы собираться, комбинироваться и соотноситься и производить триаду. Эта твор-

ческая сила — наш фохат, который ни создаёт, ни производит что-либо само по себе и сам, но благодаря действию которого элементы, как и существа, стремятся соединиться полярностями, от чего и происходит жизнь. Помните, что в первой космогонии из хаоса рождаются Эреб и Нюкта, изначальная темнота и темнота уже дифференцированная, делённая на два начала, мужское и женское, из которой эмануруют другие двое, Эфир и [Имера], свет высших областей и низшей, или земной, атмосферы. Свет родился из темноты номер два, темноты дифференцированного плана, и эта темнота зарождает свет под влиянием творческой любви или того, что называется «космическим желанием», или опять же фохатом, электрическими творческими принципами, которые делают из всего одно и производят три, соотносение.

Б. Кийтли: То, что вы здесь сказали, очень хорошо, и это намного больше, чем сказано вами где-либо в «Тайной доктрине».

Блаватская: Но я думала, вы стояли надо мной, когда я писала.

Мид: Эрос всегда был перворождённым среди богов.

Блаватская: Эрос перворождённый, но он не первый родился, он совечен. Хаос, Эрос и Гея совечны, потому ни один из трёх этих элементов не зачинается, они просто сосуществуют в вечности, и только в момент дифференциации себя проявляют. То есть так сказать из субъ-ектного и небытия получается бытие, а затем они начинают действовать друг на друга и реагировать. Это полярность, электрическая сила, к которой принадлежат наша кровь и жизнь, и всё. Короче, это жизнь. Это космическое желание.

Мид: А Купидон — просто низший аспект.

Блаватская: Возьмите космогонию Гесиода и увидите огромную разницу между тем, что говорит Гесиод и что позже придумали мифологии. Ещё даже за сто лет до нашей эры это было самой возвышенной вещью и претендовало на то, чтобы относиться к мистериям. А теперь из этого сделали не знаю что.

—: Как Гея может быть совечной?

Блаватская: Спросите Гесиода, взяв его за бороду.

Б. Кийтли: Это значит — абстрактно.

Блаватская: Женская составляющая в хаосе.

Мид: Земля, которой никто не видел.

Олд: Там было то самое слово «абсолют», которого у меня нет, и если бы они его в связи с этим создали, этот абсолют представлялся бы следствием космического желания. И это идея абсолюта, как мы её постулируем...

Блаватская: Почему вы используете слово «абсолют»?

Кийтли: Это развивается в абсолютный свет.

Блаватская: На проявленном плане; если мы возьмём это опять метафизически, скажу, что христиане могут сделать из этого совершенный свет. Когда я говорю «Абсолют», я беру это в кавычки или подчёркиваю. Но когда я беру абсолютное без кавычек, я использую это выражение как совершенное.

Б. Кийтли: Абсолютный свет проявленного плана.

Олд: Но Эрос, или Люцифер, какой-то один аспект, это тот самый свет?

Блаватская: Конечно, он.

Б. Кийтли: Затем вы продолжаете и говорите это: «Свет без всякой тени был бы абсолютным светом...», и т.д. (зачитывает из «Тайной доктрины»).

Вопрос 10.

Идея «Огня» в мистических сочинениях обычно ассоциируется скорее с духом, чем с материей. Можете ли вы нам сказать, почему здесь вы ассоциируете её с последней?

1 Произведение называется «Теогония», но излагает и космогонию. — *Прим. пер.*

2 Здесь и далее пропуски; слова в квадратных скобках додуманы мною. — *Прим. пер.*

3 В оригинале другое, похожее по звучанию, но не подходящее по смыслу слово, не «кенон», а «хино»; исправлено редакторами.

Блаватская: Потому что я не мистический писатель и пытаюсь, чтобы вы поняли вещи чуть менее туманно, чем они. А вы вместо того, чтобы благодарить, меня критикуете. Физическая, или материальная и конечная вселенная — это тень, отброшенная на экран или иллюзию, или майю, вечным светом, или вселенским огнём. У каждой нации он символизирован творящим божеством. Первоначальная материя — это не наша плотная материя, а дух; так что это дух творящего огня, жара или космического желания опять же. Как можно отделить огонь от материи насколько-нибудь больше, чем дух от материи? Как можно сделать это, когда последний дух или материя — это материализованный дух, а дух — потенциально материя? Вот что мы говорим в оккультизме. Если бы мистические сочинения меньше держались поэзии и фантастической образности, а немножко больше держались прямого изложения фактов, они были бы менее туманными, а те, кто их изучает, были бы более позитивно настроены относительно настоящей цели вещей, чем сейчас. Огонь — дух и огонь — материя, и если бы во всей лондонской слякоти можно было найти хоть частичку без этих двух качеств — огня и духа — человечеству лучше было бы сразу принять антропоморфическую идею Отцов Церкви и мёртвую букву Библии, а не её философию. Нельзя походя говорить, что в те дни могли написать мистические авторы, когда за каждую сказанную истину сразу преследовала инквизиция и было столько кардиналов, желающих поджарить вас на костре. А теперь вы не найдёте мистических писателей, сейчас время излагать сами факты, потому что нет никого, чтобы жечь их — кроме как после смерти.

Б. Кийтли: В небольшой выдержке из комментариев, где говорится о мировых зародышах и т.д., вы пишете: (зачитывает из «Тайной доктрины»).

Вопрос 11

Сказано, что «более старые (тела) притягивают более молодые, тогда как другие их отталкивают». Что это за «другие», о которых тут говорится, и почему более старые должны притягивать?

Блаватская: Полагаю, что они более мудрые и менее зелёные, чем другие. Об этом я могу сказать не больше, чем дано в «Тайной доктрине». Есть такая вещь как притяжение и отталкивание, и в оккультизме она занимает место гравитации, учения науки о которой мы отвергаем. Это относится к оккультной физике, и прежде, чем дойдёт до неё очередь на наших четвергах, должен наступить рассвет XX столетия. Я даю вам всё, что могу дать; не просите у меня большего.

Олд: Тогда, полагаю, оккультизм признаёт притяжение, которое не имеет отношения к массе. Это переворачивает общепринятое западное представление.

Блаватская: Если что прочно осталось в моей памяти, так это 20–30, а может быть и 100 разговоров с мистром Коббом, который сидит здесь. Когда дошло до четырёхмерного пространства, что было смехотворно, потому что такое пространство, взятое просто так, означает падение материи сквозь материю, непроницаемость материи, и у нас было много разговоров, и он прекрасно знает, что в оккультизме никто не верит в эту теорию гравитации. Мы верим в притяжение и отталкивание. Разве не так, мистер Кобб?

Кобб: Думаю, так.

Блаватская: Помните, какие разговоры у нас были в Нью-Йорке? И вы были первым, кто это сказал.

Кобб: Я не знаю об этом, я уверен.

Блаватская: Вы всегда говорили, что есть притяжение и отталкивание.

Кобб: Я вообще не знал, что я был первым.

Блаватская: Ну да, это старая оккультная аксиома.

Вопрос 12

На этих страницах¹ вы определённо утверждаете, что даже на высших планах космической эволюции бушует «борьба за существование». А ведь на этой самой борьбе за существование, которая считается универсальным законом, материалисты и основывают своё оправдание человеческого эгоизма. Потому мы хотели бы спросить: а) Где прекращается эта «борьба за существование» — 1) применительно к космосу; 2) применительно к человечеству? б) Как же этот космический закон приостанавливает своё действие в силу закона альтруизма в случае человеческих существ?

Блаватская: Борьба за существование бушует по всей вселенной в небесных, как и в земных пространствах. Это первый фундаментальный закон природы, видимые следствия которого материалистическая наука назвала корреляцией физических сил в материи. Но он приложим только и исключительно к дифференцированной материи и не имеет отношения к индивидуальным или даже личным единицам, которые должны бы быть руководимы, если уже не руководствуются, высшими законами высшей триады, а не инстинктивными импульсами, действующими на уровне низшей четвёрки. Борьба за существование начинается с физических молекул и кончается на тех животных, которые ещё совсем неразумны. Потому человеческому эгоизму нет оправдания, поскольку человек действует на более высоком плане бытия и сознания, чем животное — даже самый жалкий дикарь. Я отвечаю относительно физического космоса; борьба придёт только с наступлением пралайи. Однако в отношении живых и сознательных существ закон перестаёт действовать на человеческой стадии, когда проявляются совесть и разум. Только в человеке может быть в полном действии высшая божественная триада, а план, на котором она действует, характеризуется единством или однородностью. На четырёх же нижних планах космоса, напротив, верховенство имеет закон разнообразия и разнородности. Потому существа, которые наделены высшей триадой, падают под её законы, а не под законы нижней четвёрки, действующие лишь на те существа, атомы или вещи, в которых разумность — всё ещё неразвитый потенциал. Потому, поскольку [истинный] закон существа — единство, высшее Я в нём, из этого следует, что человеческая индивидуальность может достичь полного и совершенного развития, лишь действуя в совершенном единстве, то есть в гармонии, со всеми другими людьми.

Теперь б). Борьба за существование, ведущаяся сегодня среди людей, доказывает лишь то, что во-первых человек ещё не полностью вышел из своего дикого животного состояния, в этом нашем четвёртом круге его манас ещё не вполне развит, ибо это будет лишь в пятом; и во-вторых, что люди большой учёности, провозглашающие эгоизм великим законом человеческой жизни, несмотря на весь свой интеллект и учёность, сами ещё не на очень высоком плане. Иначе говоря, эти учёные джентльмены всё ещё животные. Если кто захочет пойти и сказать им это, давайте. Что же вам остаётся сказать? Собираетесь ли вы ввязаться за защиту этих учёных мужей — членов Королевского Общества и так далее?

Кингслэнд: У меня есть вопрос, который имеет к этому отношение, можно я его зачитаю?

Блаватская: Пожалуйста.

Кингслэнд: Тот ли это случай, при котором никакой человек, адепт или посвящённый в течение нынешнего круга не может продвинуться более, чем человечество продвинется к завершению седьмой расы, или же дотуда, где человечество будет к завершению седьмого круга? Нет ли какого-то предела, за который они не смогут пройти как индивидуальности, а должны будут ждать развития человечества как целого?

Блаватская: Определённо, тут имеется в виду седьмой круг. Они не могут — даже величайшие адепты. Когда

я употребляю слово «адепты» во множественном числе, это слишком самоуверенно. Я слышала лишь об одном или двух, кто в начале каждой эпохи может продвинуться до состояния, в каком человек будет в седьмом круге, а дальше этого они не могут. Никто не может пройти дальше своей манвантары, даже высочайшие адепты.

Кингслэнд: Тогда это действительно основание каждого помогающего человечеству. Разве это на самом деле не помогать самим себе?

Блаватская: Определённо так. Это самая логичная и очевидная вещь в мире. Люди не понимают, что вредя своим ближним, они вредят себе. Если не сейчас, то это будет в другом воплощении. Конечно, если вы в это не верите, то другое дело. Не если вы в это верите, это будет так, потому что если я пораню палец, то это почувствует все моё тело. Можно этим пренебречь, но это может прийти и через пять лет, потому что никакие даже самые малые вещи не остаются без последствий. Наша вселенная — сцепление причин и следствий. Нет и малейшей вещи, которую мы могли бы причинить нашим братьям и вообще людям, от которой мы бы ни пострадали, и также всё человечество. Это то же самое, как устроить волны в огромном пруду — если вы вызовете волнение только в одном месте, то каждая капля воды в этом пруду почувствует это; будет реакция. И я скажу, что это своекорыстие рас, отдельных людей, рознь в религии и во всём — это великое проклятие не только XIX века, а будет длиться так долго, пока мы не изменимся или не станем хотя бы чуть лучше, чем сейчас. Но это здешнее человечество ни с чем не сравнить. Никакое воображение не может создать чертей в аду такими плохими и злыми, как человечество в целом. Каждая раса ненавидит другую. Одна раса плюёт на другую, другая говорит: «мы единственные». Страшно смотреть. Человек, вместо того, чтобы с каждым днём становиться лучше в духовном отношении, становится всё хуже, хуже и хуже. Этот эгоизм, когда ты думаешь «всё для меня», такая вещь, которая вредит в первую очередь тебе и больше всего, и это доказывается, как $2+2=4$, и не может не сработать. Когда ко мне приходят и говорят о борьбе, я говорю про материалистов, которые заявляют: «Борьба за существование — великий закон, а потому давайте пойдём и аннексируем страну, как аннексируют территории русские». Но вы заряжаете ружья и стреляете из них в этих несчастных, как в прошлом году в Бирме, где застрелили около 200. Вот это братская любовь, и они называют себя христианами. О небо! Почему, они же дьяволы, все они. Они не люди — все те, кто устраивает войну, убивает людей и кого-либо ранит.

Олд: Но помимо любых усилий, которые мы совершаем будь то индивидуально или как раса, разве нет в человеческой вселенной закона, который предписывает нам определённое продвижение вперёд? И нет ли закона, который ограничивает наше продвижение в определённую эпоху?

Блаватская: Определённые границы есть; дальше пройти нельзя. Никто и не ожидает от вас, что вы сразу станете всезнающими богами или ангелами и добрейшими людьми, но есть пределы; а чем больше продвигается цивилизация, тем злее и эгоистичнее становится человек, и тем больше бедные страдают от богатых. На этой Земле никогда не было больше бед и страданий, чем есть в XIX веке, который — самый проклятый век из всех веков.

Холл: Полагаю, наступит реакция?

Блаватская: И эта реакция будет ужасной. Посмотрите на социалистов. Они возвышенно и благородно мыслят, но несмотря на их усилия, получается анархизм. А когда наступит время, когда люди повсюду будут умирать от голода, я вас уверяю, никакой закон не сможет остановить это движение.

Холл: Вы думаете, это когда-нибудь наступит?

Блаватская: Вы очень верите в своих 10000 полицейских. К счастью, это время ещё не пришло. Если они продолжат так, как делают сейчас, будет что-то страшное. Я не имею в виду только Англию. Покажите мне страну, где люди не голодают. С каждым новым сделанным изобретением появляются несколько тех, кто становятся миллионерами и пропорционально столько же тысяч голодающих. Похоже, это закон.

Холл: Я бы не думал, что реакция будет столь жестокой. Её можно предупредить законодательными мерами.

Блаватская: Советую вам прочитать мою редакционную статью в «Люцифере».¹ Я излила там всё своё сердце, и могу вас заверить, что я не говорила им комплиментов. Они могут оскорблять меня столько, сколько им захочется. Для меня и для каждого теософа не должно быть размежевания между расами, цветами кожи, идеями или чем-либо ещё.

Дама: Да, не должно.

Блаватская: Но оно, к сожалению, есть. Посмотрите на индийских англичан, на презрение, какое они демонстрируют в отношении индусов, которые интеллектуально и духовно в тысячу раз выше, чем мы. «Низшая раса». Низшая в чём? Англичан ещё не было даже в состоянии молекул в пространстве, когда Индия была уже стара и мудра, а теперь они пришли и говорят об индусах как о низшей расе. Это та самая гордость, о которой говорится в Библии, и я вам верю, когда вы, англичане, говорите, что вы падшие ангелы. Все вы стали дьяволами из-за своей злобы.

Кингслэнд: Разве невозможно, чтобы одни расы воплощались в других? Не могли ли мы быть индийцами в прошлых воплощениях?

Блаватская: Да, иначе вы не были бы такими, как вы есть. Вы определённо, все вы, кто столь горды, — я говорю Синнету каждый день, когда его вижу, — что за свои грехи он определённо должен быть парием в Индии. И ему это совсем не нравится.

Вопрос 13

Ядра космической материи после порождения приняли эллиптические и параболические траектории. Первые, из-за своей меньшей скорости, в основном поглощаются солнцами, ... а вторые в силу большей своей скорости избегают поглощения. Можно ли дать какое-нибудь объяснение этой изначальной разнице в скорости, от которой зависит вся будущая эволюция «ядер»? (с. 204/261)

Блаватская: Скорость, с которой ядро начинает свою звёздную карьеру, первым делом зависит от «часа» его рождения. Под часом я имею в виду этап или период цикла жизни вселенной, в который он начинает своё жизненный путь. Этих этапов — семь, и брахманы упоминают их как семь творений, а в книге Бытия они названы шестью днями творения, хотя их должно быть семь. А если вы спросите меня, почему семь, а не шесть, я отвечу, что седьмой день, описанный в «Бытии» как день отдыха, в действительности представляет седьмую стадию творения. Это не полный покой или отсутствие активности, а просто тот период, когда всё гармонизировалось и приходило в равновесие, а эволюционный импульс замедлился до равномерной скорости движения и всё приняло упорядоченный, регулярный и непрерывный ход, как демонстрирует нам регулярная смена лет, времён года, месяцев, дней и так далее. Все эти хаотические силы, которые в своём импульсе борлись за жизнь, стали спадать и урегулировались, и настал первый день отдыха, когда всё пошло упорядоченным путём. Вот что я имею в виду. А на самом деле седьмой день, если рассматривать его оккультно, означает седьмую манвантару, то есть день, когда всё в этом жизненном цикле развилось и всё придёт к точке, когда каждый будет столь же хорош, как и другой, и не будет больше ни злословия за спиной, ни мордобоя, и мы станем порядочными людьми. Пралайя — это седьмой

¹ «Наш цикл и следующий», «Люцифер» за май 1899 г. (См. в сб. «Новый цикл», М.: Сфера, 2001).

день. Пралаей обычно называют вечер дня седьмого круга, и тогда она будет длиться так же долго, как целое. Если вы прочтёте старые раввинические книги и все эти вещи из Вавилонии, то обнаружите, что эта идея вполне хорошо там изложена. Почему саддукеи не верили, как верили фарисеи? Потому что они были учёными оккультистами и каббалистами, они соблюдали шаббат, но понимали, что смысл шаббата был совершенно философским. Потому что посмотрев в этот вавилонский трактат, вы обнаружите, что значит этот седьмой период — это совершенно астрономическая вещь, но это точно то же, что брахманы назвали седьмым творением, поскольку это седьмой день и ничто иное.

Кингслэнд: В «Бытии» сказано, что вечер и утро были седьмым днём.

Блаватская: Это также и рассвет манвантары и пралайа.

Кингслэнд: Это точно так же, как мы считаем день как день и ночь.

Б. Кийтли: Есть ли у вас что-то ещё?

Блаватская: Творческий импульс на время успокоился до тихой семейной жизни. Следовательно, изначальная скорость ядра зависит от места, занимаемого им в ряду нисходящих поколений от изначальной матери, или материи. Матерь и материя — одно и то же, и теперь некоторые тёмные ученики, знающие, что я имею в виду, могут объяснить дальше. Здесь есть один (показывает на Бертрама Кийтли), который изучил уже достаточно, чтобы забыть половину этого, но я хотела бы знать, забыл ли он другую половину.

Б. Кийтли: Это означает следующее: если взять самое начало манвантары, мы получаем от потомков первоначальной материи первые оживлённые космические ядра; после этого они проходят через свою манвантару и становятся сначала кометами, затем солнцами и затем планетами. Потом они умирают, и их принципы переносятся в свежий лайа-центр; они подобны детям первого поколения. Затем они проходят через серию эволюций и возрождаются снова как внуки, и так далее в течение бесчисленных поколений.

Блаватская: Вы бы ещё про тещу рассказали!

Б. Кийтли: На каждой из этих стадий импульс как бы постепенно уменьшается в определённой степени, так, чтобы скорость, с которой лайа-центр или космическое ядро начинает свой путь, уменьшалась.

Мид: Что тут озадачивало, это эллиптическая и параболическая орбиты.

Б. Кийтли: У многих комет эллиптические орбиты. Это просто вопрос скорости, как тут утверждается. Всецело вопрос начальной скорости ядра. Есть кометы и с эллиптическими, и с параболическими орбитами.

Блаватская: Вначале всегда импульс, и идёт быстрее.

Б. Кийтли: Есть несколько комет с известным периодом обращения. Их возвращения ожидают в определённое время и высматривают их. У них очень вытянутые эллиптические орбиты с огромным эксцентриситетом. Другие кометы прилетают по параболическим орбитам, и мы уже никогда не будем иметь удовольствия видеть их опять, они ушли. Посмотрите на любую карту Солнечной системы.

Блаватская: Я хотела бы, чтобы они поняли, почему импульс вначале больше, а потом замедляется — потому что он устанавливается в уважительную форму, и есть законы; периодически он проходит времена года, годы и так далее, чего он раньше не делал. Потому что он замедляется. Движение же есть всегда.

Б. Кийтли: «Сказано — обителей фохата много», и т.д. (зачитывает из «Тайной доктрины», т. I, с. 204/261).

Вопрос 14

«Древние сделали семь полярных кругов вместо двух». Должны ли мы отнести четыре из них к северному полюсу и три к южному, или это семь лок, считаемых от экватора на север и на юг?

Блаватская: Хотела бы я, чтобы вы все пошли и попросились в критики «Сэтрдэй ревью»¹, потому что вы так придирчивы. Скажу, что это не моя вина; поговорка гласит, что у семи нянек дитя без глаза, вот так и у меня было семь редакторов. Я писала, писала, а они брали это и правили, так что, если вам так угодно, ошибок там быть не должно. А в результате они пропустили такую чепуху, а что-то хорошо написанное исправили, только чтобы «улучшить английский» и превратили это в чушь. И это одна из таких чушей, потому что это должно было читаться вовсе не так. Предложение должно было быть таким: «Древние насчитывали семь кругов и у каждого полюса» вместо по одному у каждого — вместо двух [всего]; или не говорили, что у каждого полюса есть по одному, но брахманы насчитывали по семь у каждого.

Кингслэнд: Считаю от экватора?

Блаватская: Эти семь кругов — семь ступеней Меру, семь преисподних, как они их называют.

Мид: Семь серебряных вниз и семь золотых вверх.

Б. Кийтли: Они делят 28° от полюса до полярного круга на семь частей, по 4° каждая, а не всё пространство от полюса до экватора. На семь кругов поделены первые 28°.

Кингслэнд: Я понял так, что Е.П.Б. говорила — от экватора.

Блаватская: Семь на севере и семь на юге, не у экватора, у полюсов.

Б. Кийтли: Я вам скажу, откуда происходит это выражение. На самом деле она ссылается на умопостроения человека по имени Маккей.² О нём говорится в другом месте «Тайной доктрины».

Блаватская: Это написано таким образом, что приводит к совсем другому. Современная наука указывает один круг у полюса, а брахманы давали семь сверху и семь у южного полюса. Южный полюс представлял семь наравов в патале; но их представление об аде было не таким, как у нас. Там это место радости. Когда [Нарада] побывал в аду, он сказал что никогда не проводил время приятнее — это было, как теперь посетить Парижскую выставку,³ и он научился там всей своей мудрости, своей астрономии, у Шешы — змея вечности, на котором спит Вишну, и этот змей оказал ему гостеприимство и научил его астрономии великолепно. Вот куда вам надо идти и учиться.⁴

Олд: Я хочу кое-что узнать о делении индусами земного шара. Они считают пять наших градусов за один свой, используя 72 градуса вместо 360? А вы считаете от экватора до полюса согласно нашим градусам?

Б. Кийтли: Да. Вы знаете, что нынешний полярный круг находится в 28° [от полюса]. Именно это пространство они подразделяют на части в 4° каждая; так оно согласно Арнолду Маккею.

Блаватская: Но Маккей здесь совсем неправ. Он прав только насчёт семи. Но эти 14 — ерунда, потому что он берёт 14 ману, а ману не имеют к этому никакого отношения. Это семь ступеней Меру.

1 «The Saturday Review of politics, literature, science and art» — еженедельная лондонская газета, издававшаяся до 1938 года.

2 Сэмсон Арнолд Маккей (1765–1843), сапожник из Норвича, имевший страсть к астрономии и мифологии и сам опубликовавший в книгах и памфлетах результаты своих исследований. Труд, на который ссылается Блаватская в «Тайной доктрине», называется «Доказательство мифологической астрономии древних» (1822–24).

3 Всемирная выставка 1889 года проходила в Париже с 6 мая до 31 октября. Её входной аркой служила Эйфелева башня.

4 См. Вишну-пурану, кн. II, гл. V. Нараде посещение Паталы было приятнее небес Индры, но в конце этой главы говорится, что астрономии у Шешы обучался Гарга. Там однако разделяются паталы (приятные нижние области, о которых говорится в главе V), и нараки (ады, о которых говорится в главе VI). — *Прим. пер.*

Б. Кийтли: У Мида была идея, что они считаются от экватора. А они считаются от полюса.

Блаватская: Это страна блаженства — а после этого, когда Азия сформировалась полностью, [были] последние [под]расы третьей расы, которые разделились на мужчин и женщин.

Кингслэнд: В то время это был северный полюс.

Блаватская: Это была просто Меру, страна блаженства, земля богов, и вы найдёте её упоминания у Гесиода, там, где сказано, что Аполлон отправился в Вечный Свет и Вечный День. Тогда это была тропическая страна. Там, где сейчас Гренландия, росли пальмы, лавры и не знаю что.

Б. Кийтли: Помните это, Кингслэнд, что земная ось относительно Земли фиксирована; у неё есть наклон к эклиптике.

Кингслэнд: Вы думаете, наклон [создал] тропики?

Блаватская: Всё это меняется дважды за каждый тропический год; всё, если вам будет угодно, сдвигается. Это меняется каждые 12500 или 12600 лет.

Мид: Говорите, дважды за каждый тропический год?

Блаватская: Да, сэр. Каждые 12500 или 12600 лет.

Кингслэнд: Эти изменения происходят постепенно?

Блаватская: Постепенно! Чему вы припишете тот факт, что моря всё больше и больше захватывают сушу? Всё это в силу этого действия. Что континенты погружаются, а море поднимается.

Кингслэнд: Так вот почему у нас весна всегда на месяц запаздывает.

Блаватская: Двенадцать тысяч лет назад Земля была не такой как сейчас.

Кингслэнд: Я думаю, и двенадцать лет назад не такой была.

Блаватская: Теперь это идёт очень быстро. А теперь мне время уходить и оставить комнату для чего-то лучшего.

Мид: Насколько изменяется этот угол?

Блаватская: Этого я вам сказать не могу. Я недостаточно учёна.

Б. Кийтли: На 4°, я думаю, в каждый сидеральный год в 25000 лет.

Блаватская: Олд хорошо это изучил.

Олд: Я дал это так хорошо, как смог, в [ ]. Что говорит Маккей, должно совпасть, потому что там 28°, которые нужно делить.

Вопрос 15

«Как только ядро первоначальной субстанции в состоянии лайа наполнится освобождёнными принципами только что умершего небесного тела, оно становится кометой, затем солнцем, затем миром¹». Здесь термин «небесное тело» используется в общем смысле, прилагаемо ко всем космическим телам, или технически, чтобы отличать его от планетного тела?

Блаватская: Я использую термин «небесное тело» в общем смысле — применительно к телам в космосе в общем. Я не даю ему какого-либо технического или специального значения.

Б. Кийтли: Тогда страница 205/263, где вы делаете очень важное примечание о стадиях эволюции космических тел (зачитывает из «Тайной доктрины»).

Вопрос 16

В порядке эволюции глобусов в отношении к их материальным превращениям соответствует ли состояние лайа (1), кометное — (4), а солнечное — (5)? И если так, то чему соответствуют (2) и (6)?

Блаватская: Посмотрите-ка сюда и ответьте мне теперь на вопрос искренне и честно, как отвечали бы те

ще. Вы спрашиваете у меня эти вещи, потому что в «Тайной доктрине» это дано неясно, или вы хотите всё из меня вытянуть?

Б. Кийтли: Это для того, чтобы быть совершенно уверенными, что мы получили правильную основу соответствий и аналогий, от которых отталкиваться. Потому что если она будет у нас неверной, мы продолжим, делая ошибки везде.

Блаватская: Вы подтверждаете это заявление, мистер президент?

Кингслэнд: Я думаю, так.

Б. Кийтли: Раз приобретя неверное представление, мы и дальше неправильно пойдём.

Блаватская: А мне кажется, что вы у меня выпытываете.

Олд: Разве вы не подозреваете нас в том, что мы хотим что-то знать?

Блаватская: Да, подозреваю! Ну ладно, лайа состояние соответствует атомическому или эфирному, а солнечное — зародышевому и огненному.

Б. Кийтли: Раз так, чему соответствуют второе, шестое и седьмое, то есть так сказать воздушное, лучистое или газообразное? — хорошо, сначала это.

Блаватская: Воздушное или газовое превращение не составляет в космической эволюции определённого этапа, а скорее, связующее звено между однородным этапом и туманнообразным или творогоподобным, переход одного в другое.

Мид: То, что вы называете материей в критическом состоянии.

Блаватская: Да, сэр. Четверичный пар представляет стадии, через которые прошла Земля, чтобы достичь своего нынешнего состояния. Земля — материализованный пар, как лёд — материализованный водяной пар. Седьмое, или зависящее состояние описывает этап, которого Земля достигнет в конце седьмого круга. Тогда люди не будут полагаться ни на какую иную подпитку, кроме как от своих собственных божественных природ. В еде и питье нужды не будет; у них больше не будет клубов, тенниса или чего-то такого. Принципы Земли почти полностью покинут её физическое тело, кроме высшей триады, подобно тому, как сделала и Луна к завершению лунной манвантары; и её принципы будут готовы поочередно устремиться в новый лайа-центр, чтобы образовать новый шар, который будет единокровным семеричным сыном Земли. Вы хотите знать что-то большее? Вы величайшие выпытыватели, каких я видала в жизни. Мои заметки подошли к концу, я открываю вам свои мозги, и вы можете спрашивать, что хотите.

Холл: Эта новая земля будет построена и сработана по тем же принципам, что и старая?

Блаватская: Ведите себя прилично, Холл! У нас в России был великий философ, некоторые афоризмы которого я переводила для утешения Берта; его звали [Козьма Прутков]. И у него есть великолепный афоризм, он гласит: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану». Это одна из лучших вещей, читанных мною. Интересно, знает ли кто-либо из вас, когда вам затыкать свои фонтаны и давать им немного отдохнуть?

Кингслэнд: Они отдыхают шесть дней, а открыты только по четвергам.

Холл: В другое время они всегда протекают.

Кингслэнд: У меня есть один вопрос, которого ещё не задавали. Из аналогии представляется, что должно быть семь планетных цепей (каждая из семи планет — всего 49), на которых развивается человечество; Лунная цепь это одна, а наша Земная цепь — другая. Если это так и наша цепь — четвёртая в ряду, то Лунная цепь была третьей?

¹ Слово «world», применённое здесь, часто используется в английском языке и в смысле планеты. — *Прим. пер.*

Блаватская: Может быть. Я в этом не уверена, но не стану разрушать ваши иллюзии.

Дама: Я думала, разрушать иллюзии — это хорошо.

Блаватская: Да, потому что на этом плане существования всё — иллюзия. Я сама думала об этом.

Кингслэнд: А семь священных планет, планеты, которые соотносятся с нашей Землёй, они — в вышеупомянутых семи цепях?

Блаватская: Нет, не думаю. На самом деле, не знаю. В самом деле, есть лишь очень немного вещей, которые я знаю.

Холл: Каков смысл мифа от Ясоне, который отправляется за золотым руном и должен был засеять [поле Ареса] зубами дракона?

Блаватская: Что он имеет в виду?

Б. Кийтли: Вы знаете миф о Ясоне и аргонавтах. Один из подвигов, которые ему нужно было совершить, это засеять поле зубами дракона. Сначала он должен был вспахать поле на огненных быках, а вспахав, он посеял драконьи зубы, из которых вырос урожай вооружённых воинов.

Мид: То же самое совершил Кадм.

Б. Кийтли: Холл хочет знать, каково толкование.

Блаватская: Упражняйте своё воображение. Вы знаете, что такое «дракон», я только что вам сказала.

Холл: В связи с этим я и задал вопрос.

Блаватская: Я не знаю. Не смогу вам сказать.

Холл: Это символ посвящения?

Блаватская: Может быть. Я заткнула свой фонтан.

Мид: Вооружённые люди, выросшие из зубов, посеянных Кадмом, все пали в битве между собой.¹

Холл: Это только потому, что он обманул их.

Мид: Они вступили в битву между собой сразу же.

Б. Кийтли: Он бросил заколдованный шлем, чтобы тот упал среди них.

Блаватская: Я там бывала,² и если вы хотите толкования, то есть ещё семь легенд, каждая относящаяся к одному из ключей.

Мид: Саймон дал один в ...

Блаватская: Если вам угодно, примените к экспедиции аргонавтов алхимический. Там есть вся алхимия, если бы вы только смогли понять; в этом путешествии аргонавтов есть философский камень и всё прочее, в золотом руне.

Холл: Хотел бы я понять, почему Ясон оставляет оленя [Медью?].³

Блаватская: Если мы начнём разбираться с этими аллегориями, мы никогда не кончим.

Заседание было закрыто.

Продолжение следует

Протокол №18 от 9 мая 1889 г., следующий за этим, не сохранился. Публикация будет продолжена протоколом №19 от 16 мая 1889 г.

Е.П. Блаватская

[ОБ АРТУРЕ ШОПЕНГАУЭРЕ]

(Комментарий к статье Л. Сандерса «Воля»)

Для пользы тех наших индийских читателей, которые хотя и будучи превосходными учёными ведантистами, могли никогда и не слышать об Артуре Шопенгауэре и его философии, будет полезно сказать несколько слов об этом немецком метафизике, которого многие причисляют к самым великим философам мира. Иначе вышепротитированный фрагмент, выбранный нашим братом м-ром Сандерсом для одной только цели показания тождественности взглядов между системой веданты — древней философии (просим извинения у проф. Макса Мюллера) и сравнительно современной школой мысли, основанной Шопенгауэром — может показаться непонятным в столь отрывочной форме. Студент Гёттингенского и Берлинского университетов, друг и ученик Гёте, посвящённый им в тайны цвета (см. эссе Шопенгауэра «О зрении и цветах») («Über das Sehen und die Farben», 1816), он развился в глубоко оригинального мыслителя без какого-либо видимого перехода, и привёл свои философские взгляды в полную систему ещё до того, как ему исполнилось тридцать. Благодаря счастливой судьбе, которая позволяла ему без помех развивать свои идеи, он остался независимым мыслителем и скоро заработал себе (по причине своего странно пессимистического видения мира) имя «мудреца-мизантропа». Идея, что этот мир в корне своём — зло, — это единственный важный момент, в котором его система отличается от учений веданты. Согласно его философским доктринам, единственное, что поистине реально, оригинально, метафизично и абсолютно, это ВОЛЯ. А мир предметов состоит просто из видимостей (майи или иллюзии, как это у ведантистов). Он — полностью в нашем представлении и зависит от него. Воля — это «вещь в себе» кантианской философии, «субстрат всех видимостей и самой природы. Она совершенно отлична от познания и полностью независима от него; может существовать и проявляться без него, и в действительности так и проявляется во всей природе начиная от животных и ниже». Не только деятельность одушевлённых существ по своей воле, но и органический каркас их тел, его формы и качества, рост растений, а в неорганическом царстве природы — кристаллизация и всякая другая оригинальная сила, проявляющаяся в физических и химических явлениях, как и тяготение, — есть нечто вне видимостей и тождественно с тем, что мы обнаруживаем в себе и называем ВОЛЕЙ. Интуитивное распознавание тождественности воли во всех явлениях, разделённых индивидуацией, — это источник справедливости, доброжелательности и любви, тогда как от непризнания её тождественности возникает эгоизм, злоба, зло и невежество. Это ведантическое учение об авидье (невежестве), которая делает «я» объектом, отличным от Парабрахмана, или Вселенской Воли. Индивидуальная душа, физическое «я», лишь воображаемы невежеством, и в них не больше реальности и существования, чем в предметах, видимых во сне. Из этой изначальной тождественности воли во всех её явлениях у Шопенгауэра также следует, что награда доброду и наказание злему не отложены на будущий рай или ад, а есть всегда (это учение о карме, будучи рассмотрено фи-

1 Кроме пяти, ставших его товарищами. — Прим. пер.

2 В Колхиде, на черноморском побережье Грузии.

3 Пример опасностей, какими чреват стенографический отчёт. Записывавший стенографист услышал «олень» (the deer), хотя очевидно имелась в виду Медья (Medea).

лософски и в его эзотерическом аспекте). Конечно, философия Шопенгауэра радикально расходится с системами Шеллинга, Гегеля и Херберта и других современников, и даже с системой Фихте (одно время его учителя), к которой он, даже когда учился у него, открыто относился с величайшим презрением. Но это никоим образом не умаляет его собственных оригинальных и глубоко философских, хотя зачастую и слишком пессимистичных взглядов. Его доктрины особенно интересны, будучи сравнены с учением веданты школы Шанкарачарьи, поскольку демонстрируют великое тождество мышления, приводящего к тем же выводам, у людей двух совсем разных эпох, которых разделяют более двух тысячелетий. Когда самые значительные и озадачивающие проблемы бытия находят столь близкие решения в разные века у людей, совершенно друг от друга независимых, и когда самые философски глубокие послышки, предположения и выводы, к которым приходят наши лучшие современные мыслители, при сравнении оказываются почти, а очень часто и полностью, тождественными с мыслями древних философов, провозглашёнными ими тысячи лет назад, мы можем быть оправданы в том, что считаем «языческие» системы первоначальными и самыми чистыми источниками всякого последующего развития философской мысли.

«*The Theosophist*», Vol. IV, No. 9, June, 1883, p. 210
| *H.P. Blavatsky Collected Writings Vol.4 p.490*

Т. Субба Роу

Комментарии к роману Синнетта «КАРМА»

Недавняя работа Синнетта, роман «Карма»¹, теперь представлен читающей публике, и для теософов и других людей, следующих изучению оккультной науки, он притягателен во многих отношениях. Моей целью не является писать рецензию, я хочу лишь предложить вниманию читателей этого журнала несколько мыслей, пришедших мне на ум при чтении этого романа, учитывая то отношение, которое будет скорей всего вызвано в уме исследованием действия законов кармы, как оно проиллюстрировано описанными там случаями. Несомненно, может быть очень интересно во всех подробностях исследовать то, как карма осуществляет свои последствия. Должное исследование этого предмета совершенно необходимо, чтобы выстроить систему этики, проповедовать нравственность или прояснить законы развития человека. Но весьма желательно, чтобы тот, кто изучает оккультную науку на практике, не уделял этому предмету внимания по причине влияния, которое такое изучение может оказать на его ум, пока не достигнет этапа, на котором он сможет взглянуть на свою собственную личность и длинный хвост прежних личностей, с которыми он был связан, с крайним бесстрашием.

Счастливая судьба Мерленда и несчастья и беды мирской жизни м-ра Аннерли, когда рассмотришь их как естественные результаты их хорошей и плохой кармы в их прежних римских воплощениях, могут преподать очень впечатляющий нравственный урок и направить к добродетельному поведению. Если награда, которую нужно получить — счастливая мирская жизнь или долгое, блаженное состояние дэвачана, мотив к добродетельной деятельности, поданный такими примерами, несомненно, весьма уместен. Но для того, кто хочет подняться над необходимостью рождаться опять, в самом этом мотиве, если он позволит ему как-то повлиять на его ум, кроется серьёзная опасность. Он не должен даже утешать себя той идеей, что поскольку период эволюции, который предстоит ещё пройти, длится много миллионов лет, а природа предоставляет в этом мире причин так много возможностей для духовного развития, он может позволить себе ещё какое-то время подождать и понасла-

ждаться всякими хорошими вещами этого мира в качестве справедливой награды за хорошую карму, прежде чем сделать серьёзную попытку отбросить всякое мирское счастье и начать такую суровую жизнь, как стойк или восточный аскет. Человек, который так думает, сможет понять, если будет менее пристрастен к своим собственным слабостям, что все такие рассуждения — просто софистика, чтобы скрыть желание мирского существования и нежелание оторваться от его удовольствий, и что это желание, если оно будет обновляться в течение ряда воплощений, станет столь сильным, чтобы выстоять против любой попытки его искоренить, которую он сможет потом предпринять. Далее он увидит, что счастливая мирская жизнь, свободная от всех забот и беспокойств, хотя и будучи наградой за хорошую карму прошлой жизни, является в свою очередь источником зла, которое в следующем воплощении даст почувствовать свои последствия.

Если несчастья — в помощь добродетели, то процветание, можно сказать, ведёт человека к порочному ходу жизни или по-любому к жизни, в которой высшие устремления изгнаны с плана его сознания самим чувством счастья или удовольствия, завладевающим его умом. Потому вовсе не маловероятно, что человек, заботящийся о хорошей карме как источнике будущего мирского счастья, будет получать в ряде перевоплощений процветание и несчастья поочередно. Следовательно, потерпев неудачу в своих попытках обеспечить ряд воплощений, которые были бы все светлыми и счастливыми, он (пока не решит полностью бросить мирскую жизнь, достигнув предела насыщения) будет в своём духовном развитии не в лучшем положении, чем большинство его современников. Далее, заблуждение — полагать, что удовольствию есть предел и желание через какое-то время прекратится само. С другой стороны, гигантский сорняк желания становится всё сильнее и сильнее и эффективно предотвращает всякий духовный рост или развитие. Поэтому долг всякого изучающего оккультную науку — вырвать корень кармы, а не пытаться её улучшить или регулировать так, как могут предложить его склонности. Этого результата едва ли можно достичь, уделяя какое-то внимание законам кармы, которое может помешать усилиям неопита самими надеждами и желаниями, которые такое внимание вызывает. Ему достаточно знать, что карма, стимулируемая мирскими мотивами, действующими на его эмоциональную природу, когда она результат волеизъявления, обязательно ведёт к перевоплощению, и что его цель — сделать себя как бы невосприимчивым к её воздействиям. Могут сказать, что уничтожить карму невозможно. Это утверждение, несомненно, верно, однако вовсе не невозможно полностью устранить её влияние на человеческое существо. Это может быть сделано только двумя путями, а именно, во-первых, путём прохождения через ту работу, которую каждого человека побуждает выполнять его окружение, с выполнением её как непреложного долга, к которому его желания и пристрастия не имеют никакого отношения; и во-вторых, развивая всепоглощающий интерес к изучению оккультизма, что со временем изолирует его от окружения и делает его нечувствительным к воздействиям кармы. Но даже при следовании второй цели нельзя позволять, чтобы к тому или иному образу действий склоняло что-либо подобное желанию.

Может возникнуть искушение спросить — где же тогда мотив к оккультному изучению? Ответ в том, что никакого мотива быть не должно. Любовь к нему должна возникать так же, как любовь художника к искусству. Этот вид сияющей любви к высшей духовной жизни есть самое твёрдое основание, на котором может стоять неопит. Всякое иное отношение, какую бы маску оно ни принимало, приведёт к неудовлетворительным результатам.

В подтверждение сделанных тут замечаний я призываю обратиться к Бхагавад-гите и недавно опубликованной бесценной книжке «Свет на Пути».

«*The Theosophist*», vol. VIII, August 1885, p.255-256.

1 A.P. Sinnett, «Karma: a Novel of Reincarnation», Chapman and Hall, London, 1885.

А. Ч. Хэнлон

В ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

(Печатается в сокращённом журнальном варианте)

Предисловие

Эта книга состоит из статей, которые публиковались в журналах «Теософист» и «Теософи ин Нью Зи-лэнд» и выдержек из них. Первая статья появилась в новозеландском журнале в мае 1919 г., а вторая и третья — в «Теософисте» за март 1922 и май 1968 г. соответственно.

Знаменитый британский математик Бертран Рассел писал: «Математика, будучи правильно рассмотрена, обладает высшей красотой — красотой холодной и строгой, как у скульптуры. Истинный дух восторга и подъёма, чувство, что ты больше, чем человек, которые суть критерий высшего совершенства, в математике можно найти столь же определённы, как и в поэзии».

Этот восторг непременно придёт к тем, кому удастся представить четырёхмерную фигуру, ибо такая визуализация — не просто создание фигуры в четырёх измерениях, но и опыт пространственной способности, нам неизвестной, пока мы ограничены трёхмерным пространством. Вероятно, что творческая способность гения в изящных искусствах, музыке, литературе и других областях оригинального творчества черпает вдохновение из пространства более высокой мерности.

Представить простейшую четырёхмерную форму — значит испытать что-то из этой способности, ибо этим действием мы делаем первый шаг в четвёртое измерение.

Пространство — моё приключение

Как начались мои приключения? Когда я испытал первый опыт пространства? Помню, как в возрасте 4 или 5 лет, когда я жил в золотодобывающем городке Уэйай, я в панике просыпался ото сна, где я упал или почти упал в провалы или колодцы на поверхности большой мрачной равнины, по которой меня преследовали огромные необычные животные, в которых много позже я узнал доисторических динозавра, птеродактиля и других подобных существ. Пространство, которое я тогда ощутил, было не только бездонной пустотой, в которую я снова и снова должен был упасть, обычно спасаясь пробуждением, но и пространством времени, ибо я должен был пройти на миллион или более лет назад по координате времени — координате, которая, как я открыл годами позже, была лишь пространственной координатой, переживаемой, как последовательность многих «сейчас». Однако в том раннем возрасте я не был способен на какие-либо размышления о своих снах — всё, что я чувствовал — это ужас.

Однако примерно в то время я получил свой первый объективный опыт пространства. На главной улице Уэйая был установлен телескоп, и прохожих приглашали за мелкую монету посмотреть на звёзды и Луну. В начале века эта улица была очень пыльной, но тем не менее первые мои наблюдения звёздной вселенной, вероятно, пробудили во мне, пусть слабый, интерес к проблеме природы — не столько к планетам, звёздам и

прочим небесным телам, сколько к той среде, в которой они все существуют — пространству. А возможно, это произошло несколькими годами позже, в 1910 г., когда я наблюдал комету Галлея, распростёршуюся почти на всё оклендское небо, и почувствовал очарование той по-видимому бесконечной пустоты, в которой не только двигались мириады небесных тел, но частью которой каким-то таинственным образом был и сам человек. Хотя в девятилетнем возрасте я едва ли смог начать ощущать ту возможную истину, что жизнь, оживляющая всех существ, неотделима от вселенской сущности, которую мы называем пространством, и которая, не будучи ни формой, ни материей, есть основа существования обоих. Возможно, другим названием жизни вселенной может быть Абсолютное Пространство.

Следующее событие, увеличившее моё осознание пространства, случилось примерно через три года после появления кометы. Я проснулся посреди ночи, почувствовав такое мощное ощущение своей собственной бестелесной индивидуальности, своего отдельного существования как «Я есмь», что начал думать о многих людях, живущих во всех других странах земного шара, и задался вопросом, почему я должен быть именно в этом теле, а не в одном из тел других представителей человеческого рода. И когда мой ум путешествовал по поверхности Земли, я чувствовал, что жизнь, которая была моим истинным я, была и жизнью всех других человеческих существ. Предстояло решить загадку — почему я по всей видимости проявлялся или жил в одном теле и почему именно в этом. Я чувствовал, что я, пожалуй, должен быть либо во всех телах, либо ни в одном. Позже я услышал о реинкарнации, но эта концепция загадку не разрешала. Она только заменяла одно тело рядом тел, а проблема оставалась.

Несколькими годами позже, когда мне было семнадцать, я просматривал названия книг в одной личной библиотеке, и одно название привлекло моё внимание. Это было «Четвёртое измерение»¹ Ч. Ховарда Хинтона. Не зная смысла названия, я тем не менее взял книгу, чтобы изучить дома. До тех пор мои знания геометрии применялись только для технических и практических целей, но теперь геометрия начала приобретать значимость и отношение к фундаментальным проблемам, таким как природа сознания, что побудило меня к более глубокому изучению. Тогда я начал рассматривать возможность измерения сверх трёх измерений нашего обычного физического опыта, несмотря на утверждение самого Хинтона: «Всякие попытки визуально представить четвёртое измерение бесполезны. Его следует связывать с опытом времени в трёхмерном пространстве». Через несколько лет мне попалось почти тождественное утверждение другого автора, писавшего на эту тему — П. Д. Успенского, известного своими книгами «Tertium Organum» и «Новая модель вселенной». В последней книге он писал, что «четвёртое измерение непознаваемо».

Я никогда не принимал всерьёз ни одного из этих заявлений о невозможности опыта четвёртого измерения. Фактически, я познакомился с ними слишком поздно, так как к тому времени я уже увидел в своём уме полноценную четырёхмерную фигуру — тессеракт, трёхмерные сечения которого были пределом, которых достигли исследования Хинтона. Несмотря на отрицание им возможности человеческого ума увидеть четырёхмерный образ, именно Хинтон привёл меня к этому опыту.

Так что в возрасте семнадцати лет, подобно как звуки музыкального инструмента, человеческого голоса или скрытой музыки пробуждают молодого музыканта к осознанию своего истинного призвания, эта простая фраза, «четвёртое измерение», произвела на мой ум такое действие, что я решил открыть, что же она на самом деле означает.

1 С. Howard Hinton, «The Fourth Dimension».

Скоро я узнал, что для визуализации четырёхмерных форм не требуется великого знания геометрии, а только пространственное воображение, развитое до такой степени, что может представить четыре координаты или прямых, пересекающихся в одной точке и находящихся под прямыми углами друг к другу. Хинтон, хотя и обильно иллюстрировал свои аргументы диаграммами, так и не дал полного чертежа какой-либо четырёхмерной фигуры. Задача, которую я перед собой поставил, была не представить такую фигуру (так как Хинтон настаивал, что можно лишь последовательно представлять её трёхмерные сечения), а помыслить о полной четырёхмерной фигуре одновременно. Я вспоминаю, как ночь за ночью пытался привести простые кубические границы настоящей четырёхмерной формы в такое соотношение друг с другом, чтобы они виделись в уме именно границами четырёхмерной фигуры, и на какой-то момент, если не на более долгий период, получить полное переживание пространства более высокой мерности.

Фигура, с которой я работал, была тессерактом — главным образом потому, что Хинтон занимался в основном кубами, а тессеракт — это эквивалент в четырёхмерном пространстве куба в трёхмерном. Сосредоточиваясь на задаче визуализировать этот образ, я никогда не достигал полного успеха. Иногда я мог сознать яркие вспышки и цвета, зажигающиеся вокруг меня, и странное тёплое или электрическое давление, особенно на макушку, но на том этапе мне никогда не удавалось стабилизировать в своём уме завершённую четырёхмерную форму. Когда казалось, что все восемь кубов, ограничивающие тессеракт, вот-вот встанут в правильное соотношение, увенчав успехом мои усилия, что-нибудь не давало мне достичь цели. Я никогда не думал, что это из-за того, что я взялся за безнадежное и невозможное предприятие, потому что в уме присутствовали предвестники успеха, стимулируемые частичными проблесками или ощущениями некоего неизвестного фактора ли силы, которая почти что завладела формой, которую я пытался представить. Когда прошли годы, я вспомнил эти разочарования, читая сонет о Гершеле и его поисках Урана: «Я тоже терялся в полночном созерцании, стремясь проникнуть в вековую тайну времени и пространства, и чувствовал, что на пороге какого-то трансцендентного откровения, когда вдруг ярко вторгалось что-то неуместное и все бесмертные нашёптывания исчезали».

Однако в один прекрасный день, после периода небольшого прогресса в моих попытках по визуализации, когда я вышел погулять и потому был умственно ослаблен, моему уму представился во всей своей полноте совершенный тессеракт. В результате этого опыта я написал свою первую статью, описывающую не просто геометрические подробности этого четырёхмерного «куба», которые Хинтон и, возможно, другие неизвестные мне авторы, уже вывел логически, но и метод, при помощи которого на самом деле можно представить эту фигуру. Хинтон, отрицая возможность испытать во всей полноте четвёртое измерение, отказал себе в финальном опыте и разработке надёжной техники для успешной визуализации.

В основе принятого мною метода визуализации четырёхмерных форм прежде всего лежит то, что нужно сначала представить в трёх измерениях все компоненты четырёхмерной фигуры, подобно тому, как черчение куба на плоской поверхности изображает все его отдельные части, а не трёхмерное содержимое. Следующий шаг состоит в том, чтобы заставить все эти компоненты — отрезки, квадраты и кубы, в случае тессеракта, занять своё конечное положение границ четырёхмерной фигуры. На чертеже куба (рис. 1) мы сначала изображаем квадрат со сторонами, допустим, в шесть дюймов, затем внутри него другой квадрат, со сторонами, скажем, по четыре дюйма, параллельными сторонам большего квадрата, и соединяем углы двух квадра-

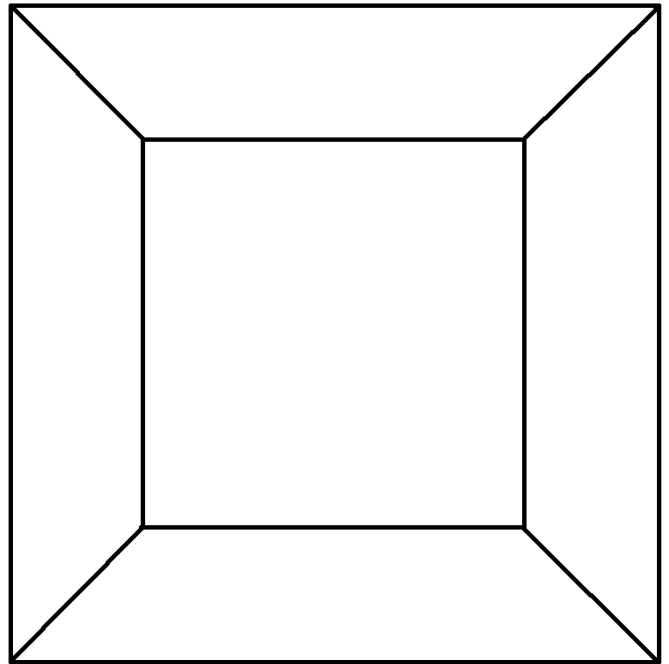

Рис. 1

тов четырьмя прямыми отрезками. Чертёж этот практически двумерный. Если мы теперь в воображении вынесем малый квадрат из большого в направлении, перпендикулярном плоскости листа, на шесть дюймов, в то же время расширив его до того же размера, мы получим настоящий умственный образ куба. Куб этот однако состоит не только из сечений, указанных на рисунке и принявших полные размеры, но и из чего-то большего, что не могло уместиться в чертёж — трёхмерного содержания, или пространства куба.

Теперь давайте построим в трёх измерениях умственный чертёж четырёхмерного куба — тессеракта. Представьте куб, чтобы использовать те же размеры, с шестидюймовыми сторонами. В центре его представьте четырёхдюймовый куб (рис. 2), восемь углов которого соединены с соответствующими углами большего восьмью отрезками. Можно сделать такую модель из металла или дерева. Эту модель можно рассматривать как чертёж в трёх измерениях четырёхмерной формы, и точно так же, как на бумаге мы не можем изобразить пространственное содержание куба, эта трёхмерная модель не может содержать четырёхмерного пространства

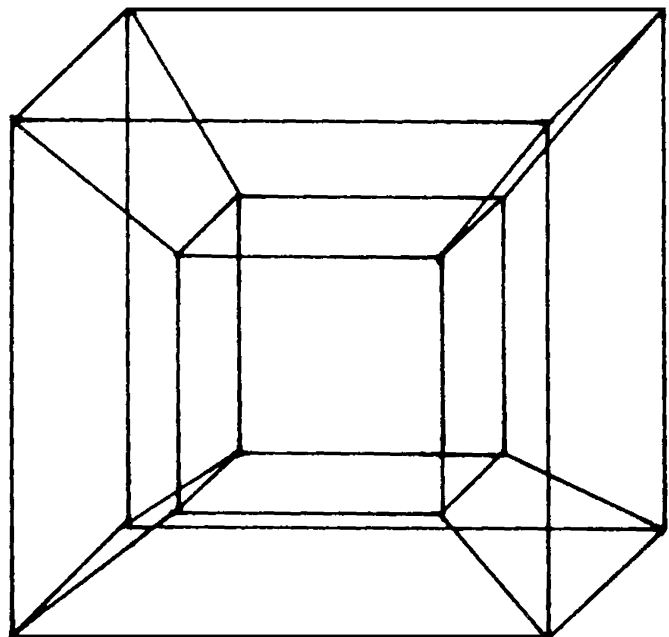

Рис. 2

тессеракта. Чтобы создать четырёхмерный образ, мы должны сделать в точности то же, что мы делали, представляя куб. Нам нужно вынести малый куб перпендикулярно из большого, не передвигая его в пространстве большего куба.

Когда мы создавали куб перпендикулярным движением с расширением, внутри шестидюймового куба не происходило никакого движения, а все четыре соединительные линии при вышеописанном процессе визуализации одинаково вырастали до своей правильной длины. Аналогично при представлении тессеракта малый куб полностью выдвигается из большого, как только начинается движение, а шесть усечённых пирамид принимают свою истинную кубическую форму, когда выдвигаемый куб расширяется до размеров большого.

Тогда мы получаем четырёхмерную фигуру, ограниченную восемью равными кубами, и имеющую пространственное качество, которое невозможно выразить в умственном трёхмерном образе или в модели, выполненной в трёхмерном пространстве. Таков был разработанный мною метод визуализации четырёхмерных форм.

Первые шаги

В этой главе предлагается показать, как можно прийти к пониманию четвёртого измерения. Одна из причин того, почему не делается попыток изучать четвёртое измерение, пожалуй, в том, что его окружает какая-то неощутимость и неопределённость. Это также предмет, являющийся с самого начала сразу метафизическим, и по-видимому смущает лабиринтом математических рассуждений, через которые следуют за этим дополнительным измерением. И всё же это не так сложно, как кажется поначалу, и настойчивость во время предварительного изучения приведёт изучающего к этапу, когда побуждением к дальнейшим усилиям станет очарование и восхищение, сопровождающее исследование более высокого пространства.

Первые этапы, как и предварительные стадии изучения большинства предметов, представляют самые большие трудности — возможно, потому, что в начале закладываются основы и фундаментальные принципы. Также введение нового направления мысли предъявляет к мыслительным способностям доселе незнакомые требования. Первым делом требуется усилие, чтобы ум занялся необычной и неортодоксальной для него мыслью; но когда он к этой мысли привыкнет, затруднение исчезнет. Вот так и с изучением более высокого пространства. Идея измерений, дополнительных к трём измерениям физического пространства, столь необычна для рядового мышления, что требуется некая решимость, чтобы заложить основание, на котором можно будет уверенно строить структуру более высокого знания.

Представление о четырёхмерном пространстве можно приобрести, исследовав условия и отношения в одном, двух и трёх измерениях, и внимательно наблюдая, как соединяются аналогичные фигуры этих измерений. Затем, перенося процесс на шаг дальше — в четвёртое измерение, — можно прийти к пониманию четырёхмерного пространства.

Одно измерение можно представить прямой, у которой есть только одно качество — длина; это её измерение. Теперь давайте представим линейный мир как прямую неопределённой длины и подумаем о существах, живущих в этом мире. У них будут тела одного измерения, то есть конечные отрезки прямой — единственные формы, возможные в одномерном мире. Можно видеть, что их рост может быть только увеличением длины тела. Эти существа абсолютно не могли бы сознать любое движение, кроме движения по этой линии — назад и вперёд. Идея направлений в сторону от их линии движения была бы для них столь же непостижима, как для нас — представление об измерении, простирающемся прочь от нашего пространства, или даже

более. В этом одномерном мире можно заметить ещё одну странность — одна линия не может пройти другую, и потому у неё всегда должны быть те же самые два соседа, хотя расстояние между ними может меняться. Линейному существу нужно будет полностью выйти из своего мира, чтобы обойти другое, но этого оно сделать не сможет, потому что абсолютно ограничено теми направлениями, которые ограничивают для него его соседи.

Одномерное пространство — это пространство, в котором движение возможно только по одной линии. Двумерный мир — это такой, где движение возможно в двух перпендикулярных направлениях, то есть, по плоскости.

Можно представить плоский мир как огромную поверхность, в плоскости которой живут и движутся двумерные существа. Для них движение возможно повсюду по этой поверхности, но в направлении в сторону от неё они двигаться не могут, как не могут и понимать такого движения. Представление о направлении, ведущем прочь от их двумерного мира никогда при обычных обстоятельствах не придёт им на ум; им понятны только движения влево-вправо, вперёд-назад и комбинации этих двух. Можно представить плоское существо как имеющее тело из очень тонкого вещества, подобное листу бумаги, толщины которого он не сознаёт. Оно может соприкасаться с другими телами и предметами своего мира только своими краями, точно так же, как мы, трёхмерные существа в нашем мире — своими поверхностями.

Поскольку это так, можно увидеть некоторые любопытные факты этого мира. Если его обитателя окружить линией, например, окружностью, он окажется в полном заключении. Побег из него будет невозможен, пока эта линия не будет разорвана. Трёхмерное существо не поймать, окружив его линией, потому что оно может выйти из круга в направлении, простирающемся в стороны от плоскости круга.

Но такой способ побега закрыт для плоского существа, ибо это об этом направлении, лежащем вне его мира, оно не имеет представления, как не имеет и его опыта. Его сознание ограничено плоскостью и может понимать лишь то, что происходит в этой плоскости. Пожалуй, лучше было бы сказать, что оно может кое-что понять о более высоком мире — трёхмерном, но не может иметь его переживания.

Свойство этого более высокого мира в том, что для его существа возможны три движения, каждое из которых — под прямым углом к двум другим. Мы, трёхмерные существа, можем не только двигаться вправо-влево и вперёд-назад, но и вверх-вниз. Этими тремя движениями можно достичь любой точки в нашем пространстве, как в случае двумерного существа любой точки его пространства можно было достичь двумя движениями, допустив конечно и «планету» в виде круга, на которой действует гравитация. Тем, у кого нет другого представления о пространстве, кроме как о трёхмерном, будет трудно представить пространство двух измерений; фактически, оно может показаться невозможным, поскольку двумерность представляется лишь абстракцией. Но двумерные концепции, хотя и будучи абстракциями для нас, были бы для двумерного существа реальностями.

Как линейное существо может быть заключено двумя точками, а плоское — линиями, так и мы можем быть заключены плоскостями — например, стенами, полом и потолком комнаты. Следуя аналогии с двумерной тюрьмой и её неспособностью удерживать трёхмерное существо, мы придём к заключению, что трёхмерная тюрьма не сможет удерживать четырёхмерное существо. Оно сможет двинуться в направлении, которого мы не можем указать, ибо куда бы мы ни показали, мы будем указывать только линию в нашем пространстве. Это новое направление простирается совершенно вне нашего мира, и в нём нет ничего, кроме того, что от-

крыто к более высокому четырёхмерному миру. Четвёртое измерение простирается из нашего мира точно так же, как третье — из плоского мира.

Когда идея о том, что же имеется в виду под измерениями пространства, усвоена, изучающий готов для более высокого измерения.

Представление четырёхмерных образов

То, что простейшие вещи сложнее всего понять, можно считать аксиомой. Это очевидно, когда мы примем во внимание, что философия, высшее выражение знания, есть сама простота. Философский ум — это совершенный ум, потому что из него исчезли все личностные отношения. Безличность — ключ философа; пожалуй, именно поэтому философские истины так трудно ухватить — не потому что они столь тонки, а потому что нужно самому стать, подобно им, безличным. Процесс, которым ум развивается из материального в философский, — это процесс очищения, в котором личность переводится из доминирующего в подчинённое положение. И через этот процесс нужно уже в некоторой степени пройти, прежде чем ум сможет увидеть четвёртое измерение. Трудность видения четвёртого измерения в значительной мере происходит из нашей заикленности на себе, эгоцентризма. Визуализация фигуры более высокой мерности — это акт самоосознания: не только расширения своих ментальных и материальных горизонтов, но и увеличения пространственности души. При этом естественно на шаг приближаться к сердцу всех вещей.

Должно быть очевидно, что любые эксперименты, целью которых является продемонстрировать существование более высокого измерения, нельзя предпринимать обычным образом, с физическими материалами и приборами, поскольку меньшее не может вместить большее. Куб, как бы он ни был мал, больше поверхности, даже бесконечно простирающейся. Такой эксперимент неизбежно будет невидим физическому сознанию, поскольку его полноту нельзя свести к понятиям трёхмерного опыта. Он должен происходить в уме.

Далее приводится описание такого эксперимента, в котором используется фигура, в четырёх измерениях соответствующая тетраэдру. Я назвал её супер-тетраэдром. Эта фигура — четырёхмерное объёмное тело, ограниченное пятью тетраэдрами, каждый из которых соприкасается четырьмя своими треугольными поверхностями с одной поверхностью каждого из других четырёх тетраэдров. Это невозможно в трёх измерениях, ибо если один тетраэдр будет касаться других таким образом, они не смогут соприкоснуться друг с другом, кроме как отрезками. Тут же пять тетраэдров соотносятся, как было описано, как внешние границы четырёхмерной фигуры. Действительный вид этой фигуры трудно описать. Чтобы его оценить, его нужно видеть.

В качестве предварительной стадии к действительной визуализации и как стимулятор для воображения, можно умственно изобразить развитие фигуры, кульминирующее в супер-тетраэдр. Из точки развивается линия, затем равносторонний треугольник, и наконец тетраэдр. Когда представляешь это, почувствовать их пространственные ограничения помогает, когда пытаешься сам быть линией, треугольником, тетраэдром. Это помогает очистить ум от пространственных предубеждений и сделать его восприимчивым к той идее, что пространство может быть чем-то отличным от того, что обычно ему знакомо. Могут быть и лучшие способы визуализации этих высших фигур, чем использованные мною, но в том, что касается результатов, мои методы удовлетворительны.

Сначала представьте тетраэдр (рис. 3), затем из центра «а» выдвините линию и соедините её конец со всеми его углами (рис. 4). Это разделит объём, или, предвосхищая, скажем, «область» тетраэдра на 4 укороченных тетраэдра. Вся фигура, конечно, пока ещё трёхмерна. Теперь читатель должен попытаться взглянуть

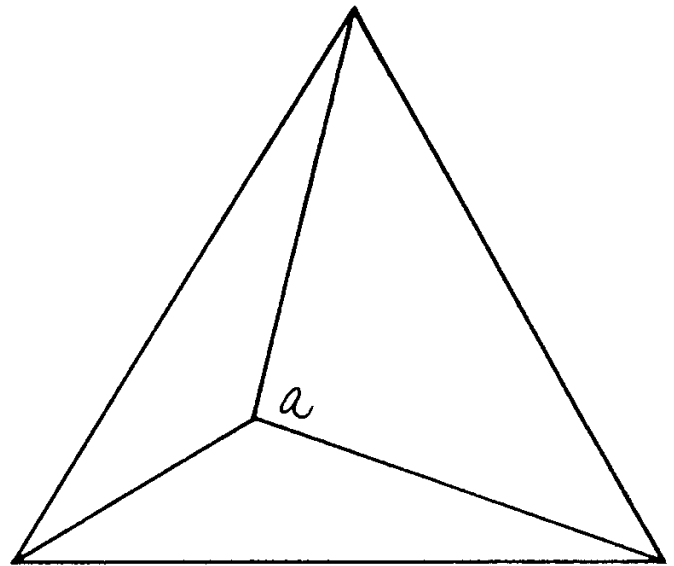

Рис. 3

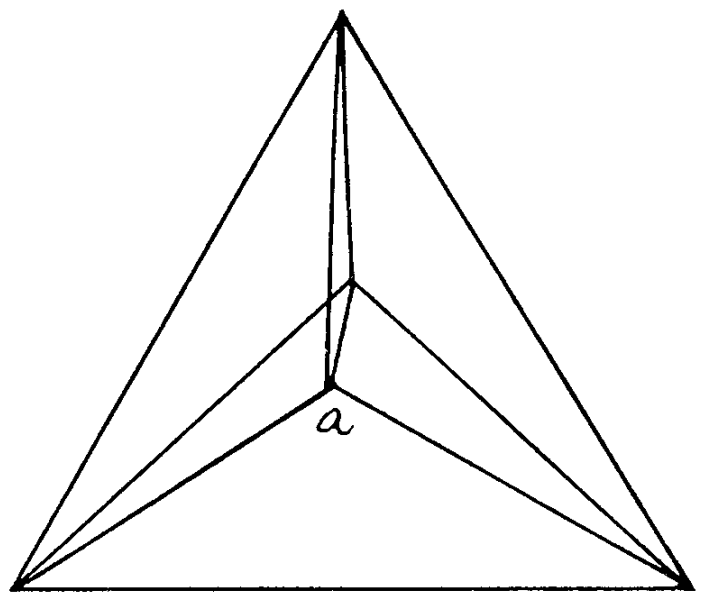

Рис. 4

на эту фигуру сразу с четырёх точек зрения, с внешней стороны каждого из четырёх треугольников первоначального тетраэдра. Совершенства тут не требуется, коль скоро это получается достаточно для того, чтобы продолжать наблюдать все внешние виды тетраэдра одновременно. Следующая операция состоит в том, чтобы заставить укороченные тетраэдры достичь полной высоты, не сдвигая их оснований — четырёх сторон первоначального тетраэдра. При этом они не должны пересекаться между собой и тем не менее, они встречаются в точке «а». Кажется, что тут нам шах и мат. Условия представляются столь жёсткими, что никакое движение не кажется возможным. Это чувство возникает в силу того, что можно назвать пространственным предубеждением. Одним из результатов визуализации фигур высшей мерности является исчезновение не только пространственных предубеждений, но даже личных. Таким образом, геометрия достигает своего полного масштаба как строительницы характера, придавая уму широту и терпимость.

Чтобы составить четырёхмерную форму из четырёх тетраэдров, содержащихся в первоначальном, нужно пройти через это движение, и ничего не остаётся, кроме как заставить их его совершить. Нужно постоянно применять волю, стремясь выдвинуть центр, или вершину, «а» из центра первоначального тетраэдра, не перемещая её внутри его самого. Это вопрос неуклонного при-

ложения воли, и в то же время чувства нового направления, и тогда произойдёт «чудо». Четыре тетраэдра, раньше содержащиеся в первоначальном, расширятся, и между пятью тетраэдрами появится область четырёхмерного пространства, содержащее супертетраэдра. Не нужно смущаться из-за какой-либо замысловатости в построении фигуры, ибо она крайне проста. Сомнений в подлинности построенной фигуры быть не может. Авторитет учёных или математиков, настаивающих на том, что четвёртое измерение — всего лишь математический параметр или концепция, уступит авторитету опыта. Никакая учёность уже ничего не значит, когда ум озарён высшим измерением.

Я обнаружил, что визуализации четырёхмерных фигур хорошо помогает попытка понять фигуру ещё более высокого измерения. Сосредоточение, развитое в таком упражнении, будучи обращено к визуализации четырёхмерного образа, делает эту операцию почти что формой отдыха или расслабления. Простейшая пятимерная фигура — это расширение только что нами рассмотренной четырёхмерной. Из каждой из пяти тетраэдральных «сторон» супертетраэдра в пятое измерение простирается по супертетраэдру, и эти пять соединяются в общей вершине. Всего шесть четырёхмерных фигур полностью окружают область пятимерного пространства, которая будет аналогом тетраэдра в пяти измерениях. Неплохо будет проработать построение этих фигур самостоятельно. Тут нет ничего надуманного, ибо они могут быть выстроены логически. Например, во всяком измерении простейшая форма ограничивается количеством сторон, на один большим, чем её мерность. Тетраэдр, имеющий три измерения, ограничен четырьмя треугольниками, двумерными подобиями тетраэдра. Развитие треугольника в более высокие измерения математически крайне просто, но столь же красиво, как построение более сложных форм. Поскольку тетраэдр — первое и простейшее из платоновых тел, супертетраэдр можно будет назвать первым четырёхмерным «платоновым» телом. Эта простейшая форма может привести ум в соприкосновение с более высоким пространством, так что тем, кто считает форму сред-

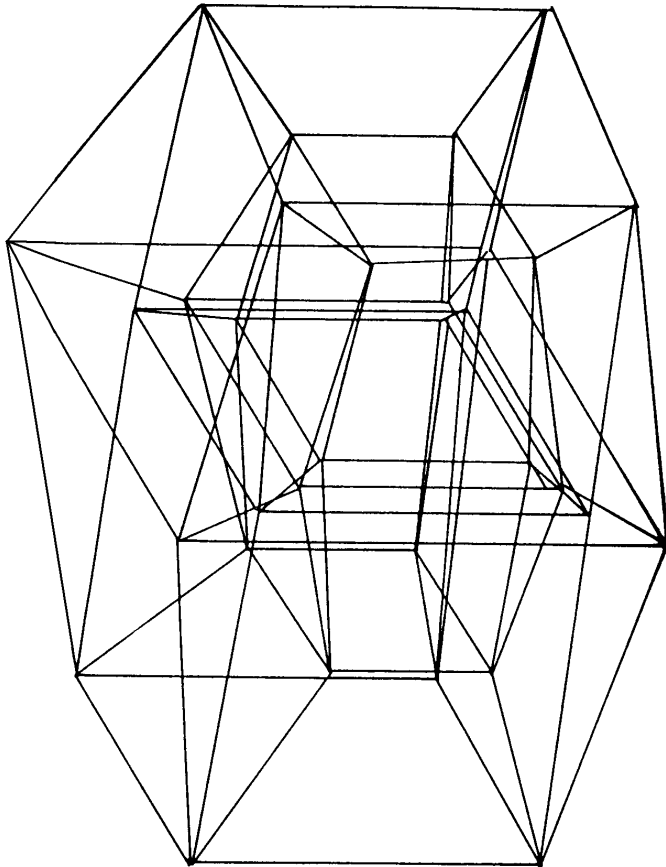

Рис. 5

ством, а не целью, нет необходимости идти дальше простейшей (за исключением того случая, когда более сложные формы используются для помощи в представлении более простых).

Теперь же исследуем более подробно пятимерный аналог куба и тессеракта (рис. 5). Однако я не собираюсь полагаться на этот чертёж. Читатель может свериться с ним и попытаться что-то из него извлечь, но если он будет точно следовать далее приведённому описанию, выстраивая в уме составляющие его части, в то же время пытаясь представить их в пространстве соответствующей им мерности, его усилия будут плодотворными.

Представьте куб (рис. 6), воплощение трёхмерного пространства, демонстрирующий во всех углах три оси, которые задают ограничения физической вселенной; при этом сознавайте, что поверхности, ограничивающие куб, отличаются от него по своей пространственной природе.

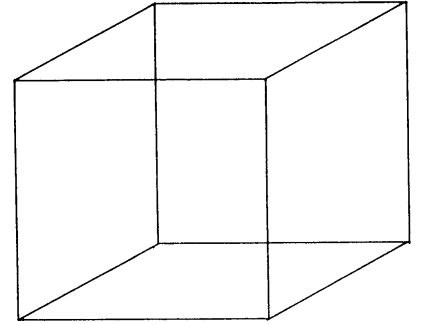

Рис. 6

Затем из каждого из шести квадратов вынесите по кубу в четвёртое измерение так, чтобы кубы, выходящие из двух соседних квадратов, имеющих общую линию, соприкасались общим квадратом, получающимся смещением этой линии в четвёртом измерении. Шесть квадратов, по одному от каждого выдвинутого куба, самые удалённые от первоначального куба, образуют ещё один куб. И все восемь кубов ограничивают тессеракт (рис. 2). Между этими кубами получается область четырёхмерного пространства, в точности, как между шестью квадратами куба находится область трёхмерного пространства. Кубы тессеракта соприкасаются своими поверхностями и тем не менее в силу дополнительного измерения сохраняют положение под прямым углом друг к другу. Однако для каждого куба существует другой куб, который не под прямым углом, а параллелен ему — так же, как противоположные стороны куба не соприкасаются, а параллельны друг другу. В четырёхмерном пространстве два куба могут быть разделены и тем не менее полностью параллельны друг другу. Можно выразить это иначе: объёмы каждого из восьми кубов находятся под прямыми углами ко всем остальным, кроме одного, который параллелен, хотя и не занимает того же положения в пространстве. В четырёхмерном пространстве это не является необходимостью, но между двумя предметами в трёхмерном пространстве такой параллелизм невозможен. Ближайшее, к чему мы тут можем приблизиться, это заявить, что предмет параллелен самому себе.

Из каждого из восьми кубов, ограничивающих тессеракт, простирается по тессеракту в пятое измерение. Внешние кубы тессеракта образуют восемь границ другого тессеракта, что даёт всего десять тессерактов, соединяющихся друг с другом и подходящих друг к другу так, что полностью ограничивают область пятимерного пространства. Можно представить детали этой фигуры (рис. 5) и предпринять попытку поставить их на свои истинные места, чтобы они заняли правильное положение по отношению друг к другу. Тут не нужно ожидать полного успеха, ибо цель этого упражнения — облегчить визуализацию четырёхмерной фигуры. Как бы решительно ни пытались мы представить пятимерную фигуру, её целостный вид скорее всего будет всё время от нас ускользать. Ценность этого упражнения, скорее, в подготовке возможности того, что когда ум расслабит-ся после этих усилий, четырёхмерная фигура сможет войти в него гораздо легче.

Под умом я не имею в виду мозг. Мозг — физический и трёхмерный, а ум, который находит выражение через мозг, не ограничен тремя измерениями. Потому при представлении четырёхмерной фигуры мозг замолкает, а полем умственной деятельности становится материя более тонкая, чем физическая. Вероятно, что умственная деятельность никогда и не происходит в мозгу, а лишь в пространстве, примыкающем к нему. Пока что в эволюции человеческого рода развитие шло в пределах трёхмерных ограничений. Со временем человечество может развить четырёхмерность и стать сознательным относительно большей пространственной среды, чем сейчас.

Завершая эту первую часть, я хотел бы с помощью рис. 7 кратко описать семимерную фигуру, простейшее правильное объёмное тело в семимерном пространстве.

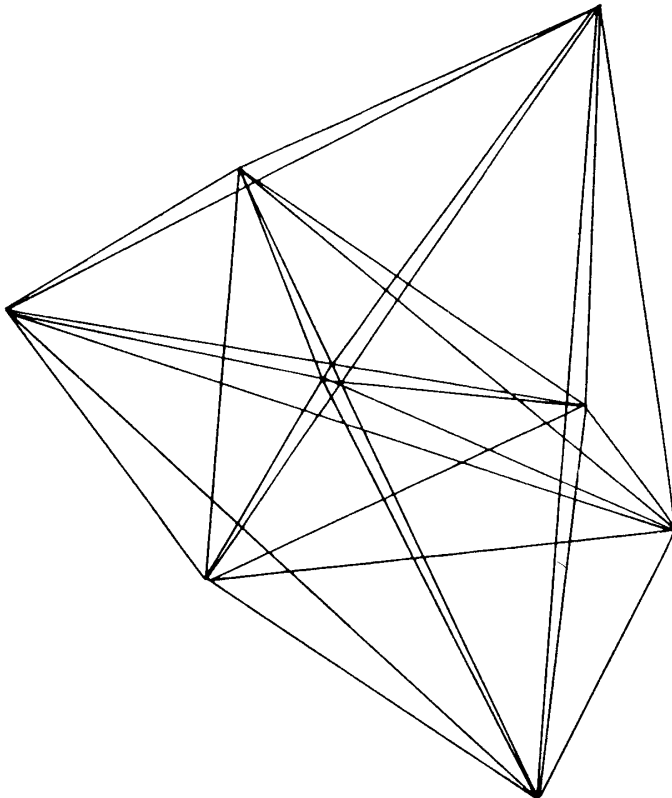

Рис. 7

Чертёж кажется сложным по той простой причине, что это изображение в двух измерениях фигуры, имеющей на четыре измерения больше, чем формы, обычно изображаемые на бумаге. Рис. 3 и 4 показывают аналоги этой семимерной фигуры в трёхмерном и четырёхмерном пространствах. Точно так же, как в каждой вершине тетраэдра на его трёхмерность указывают три сходящиеся в них линии, так на пространственность семимерной фигуры указывают семь линий, сходящихся в вершинах. Помимо линий и треугольников на чертеже семимерной формы есть, во-первых, тетраэдр-основание и, затем, другие четыре тетраэдра — все они являются границами четырёхмерного «тетраэдра». Последний, вместе с пятью аналогичными, образует «поверхности» пятимерного «тетраэдра». Семь таких пятимерных фигур составляют «поверхность» шестимерной формы, а восемь шестимерных «тетраэдров» — это внешние границы или «поверхность» семимерной формы. Все эти составляющие, кроме их пространственного содержания, представлены на рис. 7.

Философское отступление

Понимание четвёртого измерения, хотя оно и расширяет старый горизонт и оставляет более широкий, не приводит нас к тому фундаментальному состоянию, которое есть цель философии. Ум истинного философа

направлен на вечное, бесконечное, а не на вещи, какими они представляются чувствам; и точно так же, как три измерения — не столько свойство материи, сколько способ, которым мы на неё смотрим, так и с четвёртым измерением. Мы говорим о трёхмерном пространстве и других пространствах большего или меньшего количества измерений, но в действительности у пространства нет мерности. Говоря о ней, мы на самом деле имеем в виду состояние сознания, ограниченное восприятием только трёхмерных предметов или предметов большего или меньшего количества измерений. Это представления чувств заставляют нас классифицировать вселенную по измерениям.

Обычное представление о четвёртом измерении, как я уже сказал, состоит в добавлении направления, находящегося под прямым углом ко всем трём осям физического мира. У всех предметов этого мира есть качество трёхмерности. Пожалуй, в свете развиваемой сейчас аргументации, лучше будет сказать, что пространственное чувство человеческих существ сейчас способно воспринимать только три аспекта материи. Под пространственным чувством я имею в виду нечто отличное от физических чувств: в действительности это нечто, что развивает обычные чувства. Позже мы увидим, что это пространственное чувство на самом деле — не менее, чем космическая работа сознания, не нуждающаяся в конкретном органе для себя, ибо это первичное чувство осознания, существующее с самой зарей проявления.

Возьмём простой предмет — например, книгу: её три оси таковы — одна идёт вдоль неё, другая поперёк, а третья — от передней до задней обложки. Эти три направления определяют пространство книги, и если их бесконечно продолжать, они бы задали поля всех звёздных систем физической вселенной, подверженной, конечно, пространственным усложнениям криволинейной вселенной, окружность которой, по подсчётам д-р Эдвина Хаббла из обсерватории на горе Вилсон, составляет более двухсот миллиардов световых лет. Все бесчисленные превращения материи и запутанные движения, которые мы наблюдаем, несмотря на всё их разнообразие ограничены четкими и легко понимаемыми пределами — тремя геометрическими координатами.

Ещё одна идея, которую я хотел бы представить, состоит в том, что пространство не есть полностью (если вообще) что-то внешнее, а есть то, что можно назвать функцией сознания. Будь пространство внешним по отношению к нам, то есть независимым от сознания так же, как формы вокруг нас, оно должно было бы иметь форму, а иначе бы оно не могло существовать. Мы говорим, что можем его видеть, но на самом деле видим лишь предметы в пространстве. Пространство, лишённое их, невоспринимаемо для нас, поскольку может быть лишь представляемо в уме как ничто или бесконечность. Пространство бесконечно. Говоря о бесконечности пространства, я не имею в виду, что оно бесконечно простирается лишь в трёх измерениях, сходящихся для нас в этом земном шаре, и не рассматриваю его как внешнее условие. Я имею в виду абсолютную беспонечность — не в трёх измерениях, а во всех. Мы должны принять ту аксиому, что у пространства нет формы. А поскольку так, оно не может быть ограничено измерениями, ибо измерение есть форма. Потому из того, что у пространства нет формы, следует, что оно бесконечно, и в нём возможен предмет любого количества измерений. Это заключение представляется неизбежным. Предмет с любым количеством осей, находящихся под прямыми друг к другу, возможен в пространстве — его возможности в этом отношении неограничены.

На первый взгляд вопрос о том, принадлежит ли пространство внешнему миру или есть часть сознания, чисто теоретический, потому что представляется, что решения этой проблемы не существует. Но раз суще-

ствуется пространственное чувство, из этого следует, что если каким-то процессом возможно его расширить, мир предметов мог бы принять более широкие горизонты. Само существование чувства делает воспринимаемый мир неизменным условием. Чувства, которые у нас есть сегодня — результат эволюционного процесса, но хотя имела место эволюция особых органов, пространственное чувство существовало с начала вещей. Здесь, в точности как и для материальных проявлений, есть объединяющий закон, так что используя специализированные органы чувств наших тел, в мир выглянуло универсальное чувство и ввело драму жизни в соприкосновение с душой, вечной жизнью. Это фундаментальное чувство и есть пространственное чувство. На протяжении веков происходило постоянное взаимодействие между внешним и внутренним, формой и жизнью, через это чувство пространства, и это чувство к формной стороне принадлежит не более, чем к жизненной. Потому, хотя в прошлом мы могли быть побуждаемы невежеством позволять развиваться органам чувств в сторону формы, нет причины, почему пространственное чувство нельзя развивать изнутри.

Теперь нужно более полно углубиться в вопрос «что такое пространство?». В начале этого исследования мы были вынуждены прийти к нескольким заключениям, от которых никак не уйти, и потому всякая философия, которая их оспаривает, ложна по крайней мере в той степени, в какой она это делает. Первая аксиома, которую мы были вынуждены сформулировать, это что вселенная была всегда. Вторая — что в проявлении есть два фактора, жизнь и форма, сила и материя, и между ними есть отношение.

Теперь у нас есть два фактора и их отношение друг к другу, но что такое это отношение? Это не может быть просто манерой говорить, абстракцией; это должно быть столь же реальным, как существование жизни или материи. И если сильнее углубиться в то, что мы называем абстрактным и конкретным, мы обнаруживаем, что абстрактное более реально, чем конкретное, просто потому, что у первого безличная, а потому вечная жизнь, тогда как у второго — только переходящая.

Это отношение существовало всегда, и это средство, при помощи которого жизнь контактирует с материей. Можно показать, что у самой материи свойств нет, и так же обстоит с жизненной стороной. Фактически они друг без друга и не существуют. Потому из этого следует, что все свойства, приписываемые нами материи, принадлежат ей не более, чем её партнёру, и на самом деле это отношение между ними. А поскольку есть лишь одно отношение, а у материи видятся много свойств, то как же это может быть так? Решение в том, что все эти свойства или законы материи — в действительности лишь дифференциации одного принципа, и в конце концов, точно так же, как у разных химических веществ есть общая атомарная основа, так и все эти разные проявления можно проследить и свести к их общему источнику, отношению между материей и жизнью. Это отношение есть сознание. Потому отсюда следует, что поскольку материя и жизнь сами по себе не имеют свойств, тогда пространство и время — часть сознания, и мы так же можем сказать, что отношение между жизнью и материей — это пространство и время. В этом первичном представлении о вещах мы имеем первое представление о пространстве. Мы можем представить дух одной точкой, а материю — другой. Отношением между ними будет прямая, простейшее из всех измерений — одно измерение. Пространство, как можно увидеть, — это средство, которым жизнь соприкасается с материей. Это сознание.

Если мы дальше углубимся в вопрос, что же такое пространство, то увидим, что мы никогда вовсе не сознаём пространства. Мы сознательны только относительно предметов и того, что они отдельны. А это не составляет пространства, или, скорее, это не есть пространство, ибо пространство ни из чего не состоит, оно

едино. Мы могли бы сказать, что то, что мы видим — трёхмерное пространство, что мы сознаём три оси большего пространства. Но в том, что касается пространства, это будет столь же ошибочно. У пространства нет ограничений. Пространство — это даже не эфир, та почти неуловимая субстанция, которая простирается по всему видящемуся нам пространству.

Повторим: пространство — это часть сознания, и как таковое, способно на бесконечное развитие. Практический аспект этого тезиса — в том, что жизнь логична и бесконечна во всех отношениях, это закономерно, и пространственное чувство — средство, которым мы контактируем с вещами, а тогда должен быть какой-то процесс, которым можно развивать пространственное чувство, вводя в пределы его досягаемости тайны, пока что от нас скрывающиеся, лишь потому что мы не смотрим. Мы — жертвы предметного мира, принимающие иллюзию за непреложный факт.

Эти рассуждения, которые я столь несовершенно развил, но которые надеюсь улучшить как-нибудь в другой раз, показывают, что невозможно, чтобы материя была ограничена тремя измерениями, а потому принцип геометров, гласящий, что пространство имеет только три измерения, неверен, поскольку пространство неограниченно. Кант говорит, что это утверждение геометров не может быть эмпирическим, не является оно и заключением из эмпирического суждения. Но тут он ошибается, поскольку суждение производится из опыта, а не выносится заранее.

Хотя я не собирался касаться большего, чем философский аспект, открываемый проблемой четвёртого измерения, однако показав более или менее невозможность обязательного ограничения сознания тремя измерениями, я чувствую, что необходимо указать, каким путём можно получить действительное осознание этой истины. Этот процесс, которым сначала ум, а потом бодрствующее сознание приводится в соприкосновение с более высоким измерением, использует воображение для построения четырёхмерных форм. Действующее таким образом воображение подобно острому клину, неизбежно заставляющему путь открываться перед ним. Тот факт, что можно умозрительно видеть четырёхмерные фигуры, предполагает внешнее условие четырёхмерности, точно так же, как существование книги предполагает продолжение её измерений до бесконечности, пока они не охватят весь физический план космоса. Этот мир более высокого измерения находится в таком отношении к физическому миру, как сфера — к окружности. Так, начав с геометрии, возможно перейти в более широкую жизнь.

В те моменты, когда смотришь на мир философски, он представляется скорее призраком, нежели реальным пульсирующим миром, домом для многих воплощений, особенно когда чувствуешь, что вынужден принять вердикт чистого разума, подкреплённый одобрением интуиции, что предельные вещи непознаваемы, и что мы вечно будем оставаться в неведении относительно первопричины, даже если достигнем высот богов. Но через некоторое время видишь, что то, что является, как призраки — действительно призраки, и что знакомые нам предметы — лишь видимости, скрывающие более замысловатую, но столь же несущественную форму. Но открытие этой формы не награда: это знание, что форма не есть Я, вечный Дух, ибо в то время как, по выражению Хинтона, «в пробуждающемся свете этого нового постижения непрочный мир дрожит и трепещет, твёрдые тела текут и смешиваются, все наши материальные ограничения превращаются в милосердие», тем не менее, во всём этом потоке, Я стоит непоколебимо, выглядывая в непрестанно меняющийся мир, ибо «Это есть вечное состояние, о сын Притихи. Кто, даже в смертный час, утверждён в нём, тот отправляется в нирвану Вечного» [Бхагавад-гита, II.72].

Философские определения

Область философии — сразу и простая, и великая. Она велика в силу её универсальности, и проста, потому что отличительная черта всех универсальных утверждений в том, что они свободны от сложности. Не может быть лучшего определения философии, чем у Пифагора: «Знание нематериальных и вечных вещей». Философия занимается только бесконечными вещами. Снова и снова выдвигается какое-нибудь утверждение, которое представляется философски здравым, и насколько показывает опыт, безупречным, и получает всеобщее признание как абсолютная истина, тогда как в действительности это лишь истина относительная.

В наши дни мы много — пожалуй, даже слишком много — слышим о научном уме. Есть также и философский ум, ум, отлитый в свою особую форму. Наука занимается изменяющимися вещами, а философия — вечными. И проверка, которую устраивает философский ум, прежде чем допустить нечто в нематериальный храм философии, состоит в вопросе: «это бесконечно?». Находя самое большое убеждение в своих собственных заключениях, несмотря на противоречие эмпирическому свидетельству, философский ум тем не менее утверждает, что где-то в материальной вселенной таки должно быть свидетельство, поддерживающее это заключение, поскольку вселенная в конечном счёте лишь выражение философских истин.

Философская проверка — в том, бесконечно ли это, и памятуя о ней, мы можем взвесить философские свидетельства о существовании четвёртого измерения в пространстве. Хотя в будущем для прагматических целей я попытаюсь привести определения пространства, пока я пришёл к заключению, что пространство неопределяемо. У пространства есть та абсолютность, которая ставит его вне определения, но всё же делает возможным определять его бесчисленным количеством способов. Ни одно определение не может быть полным, однако если оно в пределах своих ограничений верно, оно, как любое другое определение, послужит тому, чтобы вести к более глубоким истинным или к окончательной Истине.

Мне представляется, что в своём преследовании пространства ум постоянно сталкивается с материей; смотреть через пространство — значит открывать новые миры, смотреть в пространство — открывать более тонкую материю. Что имеется в виду под смотрением в пространство? Пока мы думаем о пространстве как о связи между нами и внешним миром, большая часть истинной природы этой картины будет от нас ускользать. Мы должны научиться смотреть в пространство так, как мы бы всматривались в картину. Внешне пространство — лишь цветовая поверхность, но у неё есть для нас послание. Внешне пространство — лишь поле, в котором движутся вселенные, но оно больше, чем это. У него тоже есть послание для нас. Но мы должны смотреть в него, как смотрели бы на картину. С помощью таких простых вещей как холст и масло мы можем соприкоснуться с чем-то неизмеримо большим, чем они. С помощью простейшей из форм мы также можем соприкоснуться с пространством, неизмеримо большим, чем наше, и материей, вне всяких сравнений более тонкой, чем физическая.

Моя задача, однако, не в том, чтобы показать, как войти в соприкосновение с этим высшим пространством, а лишь продемонстрировать его существование.

Можно сформулировать утверждение о примерно в следующих словах: «Пространство бесконечно в каждом измерении». Это утверждение, для которого философский ум не может сделать исключений, поскольку оно значит, что в каждом измерении пространство простирается до бесконечности. Однако исключение может быть сделано из-за неправильного понимания слова «каждом», которое бессознательно толкуют как «в каждом из трёх». Утверждение «Пространство бесконечно только в трёх измерениях» не будет философски здравым и потому неверно. Идея о конечности пространства простирается до бесконечности, а философские истины не

основываются просто на свидетельствах чувств. В этом и заключается разница между относительной и абсолютной, то есть, философской истиной — тогда как первая верна только в одном случае, вторая верна всегда.

Свидетельство, на которое указывает название этой работы, можно кратко составить следующим образом:

Утверждение: Пространство бесконечно во всех измерениях.

Доказательная часть. В этом утверждении есть два аспекта, которые нужно доказать — бесконечность пространства в каждом измерении и бесконечность мерности пространства.

Доказательство I. Если бы какое-то конкретное пространство, то есть одномерное, двумерное, трёхмерное и т.д., было ограничено в своей протяжённости, это ограничение должно быть либо материальным, либо нематериальным. Однако материя не может ограничивать пространство, она его занимает, а сказать, что ограничение нематериально — значит сказать, что его не существует. Ограничение протяжённости пространства невозможно представить, потому что для всякого представления об ограничении необходимо существование пространства, а потому всякое ограничение, которое мы можем представить, должно быть в пространстве, а не вне его. Потому приходим к заключению, что пространство бесконечно по протяжённости.

Доказательство II. Если пространство ограничено тремя измерениями, то, что это ограничивает, должно быть либо вне, либо внутри трёх измерений. Однако оно не может быть внутри их, ибо тогда получим ту аномалию, что ограничивающее есть ограничиваемое. Как показано в Доказательстве I, трёхмерное пространство бесконечно по протяжённости, но даже если бы мы допустили, что ограничение существует в трёх измерениях, это было бы лишь ограничением протяжённости трёхмерного пространства, а не ограничением мерности пространства до трёх. Потому это ограничение должно быть вне трёх измерений. А поскольку это ограничение должно занимать пространство вне трёх измерений, оно должно быть в другом роде пространства, а различия пространств состоят только в разном количестве измерений. Простейшее пространство, не включаемое в трёхмерное пространство — это четырёхмерное. Потому ограничением трёх измерений должно быть четвёртое измерение. Но само четвёртое измерение тоже должно быть ограничено, и аналогично и с тем, что ограничивает четвёртое измерение, и так далее до бесконечности. Потому пространство не ограничено в мерности.

Следствия: Вещь не может быть ограниченной, не будучи ограничена чем-то (неизбежно материальным), и потому допускать, что ограничение есть, и в то же время отрицать то, что ограничивает — вступать в противоречие. Признать, что видимый мир ограничен тремя измерениями и отрицать существование того, что его ограничивает (неизбежно — четвёртое измерение) — значит создавать то же самое противоречие. Но допускать существование четвёртого измерения и отвергать существование пятого — значит занимать ещё более необоснованную (если такое вообще возможно) позицию.

Поскольку не может быть пространства там, где нет материи, то сказать, что пространство бесконечно в мерности — это сказать, что материя бесконечна в количестве измерений. И точно так же, как пространство не может быть каким-либо образом ограничено, поскольку все ограничения находятся в пространстве, так и материя также беспредельна, поскольку все ограничения — материальны. Таким образом утверждение, что материя ограничена, одновременно гласит, что материя превосходит ограничение. Материя — это и раб, и хозяин.

Могут утверждать (и никогда не обосновывать логически), что пространство и материя по какой-то причине, которая никогда не станет известна, навсегда сформированы лишь в трёх измерениях. Могут отстаивать мнение, что никакая иная форма пространства и материи невозможна. Но элементарное знание теории четвёртого измерения покажет, на каком тонком льду пытаются

найти опору подобные утверждения. Нельзя даже оспорить то, что четвертое измерение возможно теоретически, потому что преобрести знания о четырёхмерных формах и движениях, которым лишь совсем чуть-чуть нехватает до реальных вещей — вполне в пределах способности ума. Пожалуй, есть немногочисленные умы, воспринимавшие четвертое измерение во всей его полноте, но даже для них описать эту полноту всегда будет проблематично. Это нечто, что нужно пережить, а не описывать, и в этом переживании все трёхмерные ограничения спадают с ума. Никто не должен слепо устанавливать пределы. Я говорю «слепо», потому что искренне искать пределы и выявлять их — это значит проходить за них. Ограничения относительны, а не абсолютны. И такое утверждение как «у пространства только три измерения» может стать суеверием.

В представлении вышеприведённой аргументации многое требует дальнейшей разработки, и на первый взгляд столь краткое изложение столь далекого доказательства кажется почти безнадежной попыткой, но я набросал его ради того, чтобы указать на мой главный тезис, что четвертое измерение — это факт природы, а потому может быть философски доказуемо.

Четвёртое измерение и бессмертие

Сводить вместе две идеи, которые в некоторых отношениях могут видаться взаимоисключающими, может показаться парадоксальным. От самого слова «бессмертие» веет атмосферой бесконечного, тогда как четвертое измерение наводит на мысль о конечном. Но хотя четырёхмерное состояние, рассматриваемое лишь как мир более широких сознания и деятельности, чем физический мир, не может иметь абсолютного значения, какое мы придаём идее бессмертия, в другом смысле оно несёт знак вечного — ибо тогда как большинство из нас в бодрствующем сознании ограничены физическими измерениями пространства, четвертое измерение символизирует для нас ту таинственную неизведанную область сознания, которое лежит сразу за пределами нашего обычного опыта. Помимо частных смыслов, которое оно несёт в Теории относительности, у него есть и этот всеобщий характер — как следующее расширение сознания, которое предстоит испытать человечеству, четвертое измерение символизирует для нас неоткрытые ещё области человеческого духа, незнакомую страну, которая лежит за холмом.

Но оно символизирует не только наш следующий шаг в пространстве. Благодаря тому, что оно столь отличается от всего, что известно нам тут на земле, четвертое измерение — символ того, что столь отлично от этой физической вселенной относительности — той Реальности вне времени и пространства, которую мы называем Абсолютом. Переживание этого Абсолюта — единственное подлинное достижение бессмертия, и моё намерение — развить ту идею, что мы здесь и сейчас в сущности бессмертны, и что осознание нашего бессмертного состояния возможно здесь и сейчас, если мы только посмотрим в глаза самым элементарным фактам нашего бытия.

Что же тогда то, что представляется самой фундаментальной вещью в нашем сознании? Или, если предпочтительнее такая формулировка, что есть самая фундаментальная вещь в окружающем нас мире? Если так, ограничены ли мы двумя мирами — временем и пространством? Все предметы занимают пространство и движутся во времени, или иначе говоря, пространство и время относятся к самой природе относительного сознания, а потому всё, что появляется в этом сознании, принимает качества формы и изменения.

Тогда здесь и ключ к бессмертию. Мы должны понять настоящую природу пространства и времени и открыть их вечное значение. Мы должны покорить мир относительности, чтобы испытать Абсолютное. Бессмертие — это свобода от всех ограничений того, что мы называем материальным миром, это достижение состояния неизменности, где сознание, будучи всеобщим, без чувства

прошлого и будущего, далёкого и близкого, появляется, потому что сознание коснулось времени и пространства в каждой точке. Это предельный мистический опыт, в котором мистик обнаруживает, что его сердце — вселенная.

Если смотреть с философской точки зрения, то есть только одно пространство — Абсолютное Пространство, а всякое относительное пространство оказывается лишь порождением ограниченного индивидуального сознания. Каждое творение, или осознание во времени и пространстве вечной реальности — уникально, ибо никакие две индивидуальности не могут занимать то же положение во времени и пространстве по отношению к какому-то конкретному событию. То, что два человека не могут занимать одного и того же положения в пространстве, представляется очевидным, но могут возразить, что в отношении какого-то события они могут занимать одно и то же положение во времени. Однако можно показать, что время — тоже измерение пространства, переживаемое особым образом, и общепринятое представление о прошлом как утерянном навсегда, а о будущем как о ещё предстоящем существовании возникло в результате иллюзии. Относительное пространство — порождение ограниченного сознания, и создаёт впечатление бесконечного по причине того, что можно назвать «давлением» Абсолюта на отделённое сознание; ощущение бесконечности возникает от того, что ум придаёт создаваемой им конечной вселенной природу несотворённой вселенной.

Этот мир чувств и ума определённо конечен, и хотя мы продвигаемся всё дальше и дальше в глубины пространства, мы лишь ещё больше устанавливаем факт конечности видимой вселенной — вселенной относительности; мы лишь переходим от одной конечности к сравнительно большей. Для перехода умом к всё более широким горизонтам нет предела, так как относительная вселенная никогда не может исчерпать возможностей абсолютной. Мы должны однако проводить различие между вселенной как она есть на самом деле, и тем, какую мы знаем её через чувства и ум. Настоящая вселенная — без пространственных ограничений, а вселенная науки, чувств и ума всегда ограничена в протяжённости. И есть ещё одно ограничение, определяющее события в относительной вселенной — количество её измерений.

Иногда, описывая вечное или абсолютное бытие, используют термин «неизмеримое», потому что все измерения, величина и малость, совершенно относительны и не могут иметь смысла в том, что является тайной для конечного ума, — Абсолютном Пространстве. Но мы не могли бы представить физическую вселенную — материальную, измеримую вселенную — без того свойства относительного пространства, которое мы определяем как его измерения. Наше физическое пространство имеет до трёх измерений (для наших нынешних целей измерения времени мы не учитываем); наше физическое сознание трёхмерно. Сформулированное геометрически, это означает, что три прямых под прямыми углами друг к другу полностью определяют пространственные отношения во всей физической вселенной. Измерения или координаты куба в этой вселенной являются образцовыми линиями, с которыми можно сверяться, хотя могут быть увеличены в миллионы раз так, что длину их будет невозможно измерить. И раз видно, что нет конца расширению этой вселенной от ограниченности к большим пределам, может ли она стать ареной бессмертной жизни, которой тоже нет конца?

Нет! Ведь если даже допустить бесконечность пространства в обычном смысле, мы увидим, что оно конечно в другом смысле. У него только три измерения. Бессмертное же состояние беспредельно, потому что оно не должно быть ограничено количеством измерений; иначе говоря, оно безмерно (аналогично тому, как, когда мы говорим, что вселенная бесконечна в размере, мы подразумеваем, что у ней нет размера, поскольку она неизмерима). Размер полностью относителен, и всякий предмет, рассматриваемый сам по себе, не велик и не мал. О вечном бытии можно думать как о чём-то в этом роде, но

есть разница. Абсолют не имеет размера не потому, что он изолирован от всего прочего, а потому что не существует ничего такого другого, от чего его можно было бы отделить. То, что в относительном сознании видится измеримым, в абсолютном фактически не имеет размера, поскольку Абсолют по своей природе не содержит стандарта сравнения, мерил, и сам не является им. Наш опыт в этой физической вселенной — реализация в трёх измерениях той безмерной или бесконечно мерной реальности, абсолютного пространства.

Какое же тогда отношение четвёртое измерение (которое, как мы видим, тоже конечно) имеет к бессмертию? Его высшая ценность в том, что поскольку оно геометрически больше, чем физический мир (и что ещё важнее, отличается от него пространственно), оно пробуждает интуицию пространства, истинной природы пространства, ведя человеческий дух к окончательному осознанию своего бессмертного состояния. Когда ум, сознавая только один вид пространства, испытал форму только в одном наборе измерений — физического пространства, — он признаёт это ограничение, не ставя его под вопрос и даже не осознавая что оно существует. Но когда к сознанию добавляется ещё одно измерение, переживается более высокое пространство, тогда ум начинает задаваться вопросом — не является ли это дополнительное измерение, хотя и придающее уму больше способностей, тоже ограничением сознания? Тогда как до пробуждения интуиции измерения пространства были бессознательными ограничениями, теперь они становятся осознанными ограничениями.

Они осязательно чувствуются как ограничения, наложенные на сознание — в первую очередь на ум, а позже — как определяющие те области, в которых проявляются ещё более высокие способности. И в ум, только пробуждающийся к реальной природе пространства, проникает вспышка интуиции, что измерение означает ограничение, и что при достижении бессмертия человек превосходит все ограничения и вступает в опыт пространства как чистое сознание, у которого нет вообще каких-либо ограничений. Так что ценность исследования природы четвёртого измерения — в том, что оно подвергает критическому изучению то ограничение, которое так тонко подавляло человеческое сознание, что оставалось практически незамеченным человечеством в целом и почти не им ощущалось.

Представляя четвёртое измерение чистым умозрением, упражнением в геометрии, и не настаивая на каком-то ином роде его реальности, математики спасают себя от обвинения в ереси. Но я бы настаивал на реальности четвёртого измерения в сознании, а также реальности его как мира (или вселенной), имеющего такую же достоверность, как и мир нашего физического опыта. Представление, что предметы вокруг нас являются полностью объёмными фигурами и предельны в количестве своих измерений, абсурдно. Измерения физической вселенной были бы меньше и плосче, чем тончайшая папиросная бумага, если бы за ней не стояли более высокие измерения. Само существование этой вселенной зависит от того факта, что она — грань бытия бесконечной мерности.

Двумерный мир часто представляют огромной плоскостью, подобной поверхности спокойного океана, в которой движутся плоские существа бесконечной тонкости, никогда из неё не выходя. Они совершенно не сознают ни неба наверху, ни водных глубин внизу. Это подходящая иллюстрация природы двумерного мира, ибо она показывает, как эти существа, не сознающие ничего, кроме жизни на поверхности, там не менее окружены во всех направлениях за пределами их способностей познания (как двумерных существ) несравнимо большей вселенной. Но само существование их мира зависит от существования океана и неба. Картина плоских существ, не сознающих пространства выше и ниже их плоскости, вызывает в памяти первое предложение книги Ч. Ледбитера «Астральный план»: «Человек, по большей части совершенно того не сознавая, проводит всю свою жизнь среди огромного и населённого невидимого мира».

Вся эта преамбула, имючая целью пояснить мой главный тезис, что бессмертие — наше достояние здесь и сейчас, и что мы можем осознать это бессмертие, является лишь подчёркиванием того факта, что абсолютная вселенная — это однородное бытие бесконечной мерности, что мы существуем в этой абсолютной вселенной, но упорно смотрим лишь на одну её грань — трёхмерное сечение вечного бытия, и наконец, что благодаря пониманию природы пространственных ограничений мы можем их превзойти и переживать пространство как чистое сознание.

Если мы проведём из центра нашего сознания две прямых под прямым углом, продолжающихся бесконечно, подобно кресту, и все события, которые мы способны сознавать, можно будет полностью определить, сверяясь с этими двумя прямыми, наше сознание будет двумерным. Если наш опыт событий будет определяться относительно трёх взаимоперпендикулярных прямых, наше сознание будет трёхмерным. Но если наш предметный опыт будет определяться четырьмя взаимоперпендикулярными прямыми, тогда мы будем сознавать мир, в сравнении с которым физическая вселенная покажется миром теней. Физическая смерть обретёт другой смысл, поскольку для её определения как события в относительном мире понадобятся четыре пространственных координаты.

Однако переход от одного состояния сознания к другому не отвечает требованиям определения бессмертия, ибо суть этого состояния необусловленности — неизменность. Верно, что у нас есть кажущееся бессмертие в факте непрерывности сознания, но это непрерывность ограниченного сознания. Чтобы наше бессмертие стало для нас реальностью, мы должны переживать состояние, не тронутое никакими ограничениями, должны «войти» во вселенную чистого сознания, которая без измерений, потому что мерность её бесконечна. Как же нам испытать это бессмертное состояние? Как стать едиными с Абсолютом?

Мы убедились, что две пересекающихся прямых — это линии отсчёта для двумерного сознания, три таких прямых — для физического, а четыре прямых — координаты четырёхмерного сознания. И хотя эти координаты разнятся в числе для каждого из состояний сознания, есть одна вещь, которая для всех этих наборов координат является общей — точка пересечения прямых. Если её расширить в двух координатах, получится круг, в трёх — шар, а будучи расширена в четырёх измерениях, она станет четырёхмерным шаром, формой, лишь поверхностно описуемой для физического сознания. Что я однако хочу подчеркнуть, так то, что эта точка — место встречи измерений, не только двух, трёх или четырёх, а бесконечного их числа, и каждая точка в пространстве есть место встречи бесконечного числа измерений.

Тогда Абсолют есть нечто такое, что можно пережить в любой точке вселенной. Измерения бесконечности встречаются в точке, и для индивидуальности эта точка — центр её сознания. Та точка и есть Абсолют. Точка не имеет величины, но отсутствие величины не означает несуществования. Это не в большей степени является несуществованием, чем нирвана — уничтожением. Эта точка — Неизмеримое Бытие. Таким образом, это определение точки оказывается в точности тем же самым, что и у вечного существования, состояние бессмертия, что означает, что они тождественны. Ум, в своём пространственно-временном высокомерии, может возразить: «Но точка бесконечно мала, а Абсолют бесконечно велик». Ум не может понять того парадокса, что то, что без измерений, равно тому, мерность чего бесконечна, поскольку неспособность знать предельную истину, или реальность, ему присуща.

Природа сознания такова, что в нём не может иметь места никакое разделение; это единство, а разделение на относительные состояния «мерного» сознания является иллюзией, которую мы не обязательно должны принимать. Есть лишь одно сознание; и его центр, который, от-

носителем говоря, везде, есть центр каждого индивидуального сознания.

Индивидуальное сознание — точка бесконечной мерности, чистое пространство, неизмеримое. И потому, что мы есть это вселенское сознание, бессмертие открыто для нас. У всех нас здесь есть хотя бы смутное понимание этого факта. Что нам нужно сделать, так это то, чтобы это слабое осознание нашего бессмертия расплывало в то, что представляется относительной вселенной, тогда и произойдёт то, что увенчает наше сознательное бессмертие. Восприятие вселенной как поля относительности растворится в осознание её как абсолютного бытия. Жизнь, сознание, материя сольются в одно безусловное бытие. В христианской религии эти три аспекта Абсолюта предстают как Отец, Сын и Святой Дух. Отец — жизнь, Сын — универсальное сознание или чистое пространство, а Святой Дух — измерения, или относительное пространство.

Сейчас мы особо рассматриваем второе лицо Троицы. Это божественная любовь, распятая, как мы выражаемся, в материи, и проявляющаяся в человеческом духе как универсальная любовь, сознание Христа. Не этот ли аспект аналогичен чистому пространству или чистому сознанию в контакте в каждой точке со всей вселенной? Разве не подобен этот аспект чистому пространству и чистому сознанию, соприкасающемуся в каждой точке со всей вселенной? А крест, на котором это всеобщее сознание распято — это крест конечных измерений, проходящий через каждую точку относительной вселенной. Христос-любовь христиан и чистое пространство метафизиков тождественны, и философ, перешедший от умозрительного к опыту реальности, обнаруживает, что всё его существо слито с тем неопишным, что мистик, обретший мир, называл по-разному — Всевышним, Богом и Бессмертным Состоянием.

Вот как опыт четвёртого измерения проливает свет на природу бессмертия, и вот как расширение относительного сознания может означать опыт абсолютного сознания. Мы открываем, что в нашем опыте трёхмерных и четырёхмерных состояний сознания лишь одно остаётся неизменным — центр сознания, та внутренняя целостность, которая на разных уровнях проявления называется «я», душа, монада, логос. От рождения до смерти наши тела растут, созревают и приходят в упадок, но мы, как бессмертный центр наших тел, нашего окружения и нашей вселенной, не растём. Не подвержены мы и рождению и смерти — такие события лишь частичные проблески реальности в обрамлении некоторых бесконечных измерений нашего существа; события, измеренные лишь по трём координатам вместо бытия, соотносённого с вечным пространством. Мы смертны (или думаем, что смертны), потому что отождествляем себя с ограниченной вселенной вместо того, чтобы жить в той точке, которую иногда называют Внутренним Я, но которое не является ни внутренним, ни внешним, поскольку мы и есть это Я — тот бессмертный центр жизни, без времени и положения (за исключением того случая, когда оно соотносится умом с им самим же созданной вселенной). И когда мы живём в этом вневременном центре, который и есть наше настоящее бытие, мы знаем, что у нас не уготован путь длиной лишь в век, потому что, выражаясь словами Лонгфелло,

Всё миновало теперь: надежда, печаль и тревога,
Жгучая жажда души и долгая казнь ожиданья,
И безутешная боль, и терпеливая мука.¹

Ведь лишь измерения пространства и времени ограничивают рождённое во времени тело. Душа же, хотя кажется погружённой в смертные вещи, остаётся там, где ни грех, ни человеческие запреты не могут омрачить её яркого сияния, и ни пространство, ни время не могут связать её могучие крылья.

Анни Безант

ОСНОВА ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

(Эта статья была написана при баллотировании Безант в президенты Т.О., чтобы членам перед голосованием были ясны её взгляды)

Недавние события вызвали много дискуссий касательно истинной основы Теософического Общества и много угрызений совести, и ясно, вдумчивые члены разделились во мнении. Это деление естественно, потому что по вопросу «должно ли ядро Всеобщего Братства быть всевключающим?» много чего можно сказать. Было бы хорошо, если бы члены рассмотрели всё, что сказано с каждой из сторон, и чтобы каждый составил мнение насчёт занимаемой им позиции. Те с каждой из сторон, кто легкомысленно отбрасывают этот вопрос так, как если бы их взгляды были настолько верными, что не подлежат обсуждению, и единственными, которых может придерживаться разумный человек, демонстрируют больше предрассудка, чем мудрости. Сюда вполне применимы слова Будды: «Вы правильно сомневались, ибо это вопрос сомнительный».

Одна сторона начинает с утверждения: «Это всеобщее братство, и оно основано на духовном единстве; дух всеохватывающий и всевключающий, и всеобщее братство, основанное на духе, не может никого исключать, а потому из Теософического Общества никто исключаться не должен». Этот аргумент привлекателен для очень большого количества людей и окружён ореолом убедительности. Но так ли он убедителен, как кажется? Не основан ли он на ошибке? Теософическое Общество — не всеобщее братство, а ядро его, а ядро и его клетка не равны по охвату. Всеобщее братство человечества не создаётся Теософическим Обществом; человек не вступает в него, когда становится членом Т.О., не покидает он его и когда перестаёт быть членом. Всеобщее братство — факт природы, оно за пределами нашего творчества или разрушения; чистейший святой и подлейший преступник фактически, поистине, братья. Да и не может быть никакого смысла или цели делать «общество», которое бы по охвату совпадало с человечеством. Сам тот факт, что у Общества есть цели, с которыми кандидат на членство должен согласиться, отделяет его от человечества в целом и создаёт ограничение. Человек, отрицающий всеобщее братство, не может быть членом Теософического Общества, но он брат по человечеству, и всегда будет им оставаться. Так что не факт братства, а признание его наделяет человека правом на членство в Т.О., правом стать частью «ядра», а гарантия, требующаяся от двух членов, что кандидат «является человеком, подходящим, чтобы стать членом Теософического Общества» подразумевает, что он признаёт братство не только на словах, но и подтверждает своей жизнью. Если факты таковы и их невозможно отрицать, то из этого следует, что член может быть исключён, если перестанет быть «подходящим человеком», чтобы составлять часть ядра; условия приёма подразумевают и соответствующее право исключения, если условия больше не выполняются. Приём и исключение имеют между собой соответствие — тот, кто принимается, может быть и исключён. Тот факт, что человек не может быть исключён из всеобщего братства, существует вместе с тем фактом, что он не может быть в него принят. Потому фундаментальное утверждение, выдвигаемое теми, кто отрицает право исключения из Т.О., основано на путанице — на том, что они ошибочно отождествляют Общество, кото-

1 Поэма «Эванджелина», цит. в пер. Г. Кружкова.

рое есть ядро, со всеобщим братством, внутри которого оно живёт.

Могут убеждать, что хотя это так, для нашего Общества было бы лучше иметь другую платформу и отбросить функцию исключения. Это обсуждаемо, хотя трудно понять, как такое общество может сформулировать свои условия членства; возможно, у него не было бы таких условий и определённого членства. Как бы то ни было, у такого общества была бы иная основа, чем у фактически существующего Теософического Общества, а мы говорим сейчас о том Обществе, которое есть. Те, кто хотели бы иметь общество на других основаниях, конечно же, вольны образовывать таковое, но нужно понимать, что это будет новое общество.

Следующий вопрос таков: «Что же составляет соответствие и годность для членства в этом ядре, именуемом Теософическим Обществом?» Ядро есть центр жизненных сил, центр, из которого они излучаются, вызывая организацию и рост окружающего тела. Через этот конкретный центр действуют силы, делающие человечество более духовным и ведущие его к осознанию всеобщего братства; когда оно будет осознано каждым, полезность утверждения всеобщего братства завершится, и Общество, как ядро этого братства, перестанет существовать; если же оно решит продолжать жить, ему нужно будет реинкарнировать с новыми целями.

Первый, и пожалуй, как можно обнаружить, единственный критерий годности к членству — это признание истинны братства и хотение помогать тому, чтобы эта истина из латентного состояния выявлялась в действительность. Желание помогать достижению общего осознания всеобщего братства — первейший признак соответствия, который нужно искать. Это делает человека проводником, через который могут работать силы, ведущие человечество к осознанию братства. Сила любви в нём делает его тем, через кого могут действовать силы любви, которые вне его. И я думаю, что это желание помогать, свидетельством которого является работа, которую он помогает другим двигаться к осознанию братства, — это единственный критерий годности и соответствия, который наше Общество может по праву требовать.

Я вполне признаю и открыто заявляю, что принятие этого взгляда иногда могло бы приводить к тому, что среди наших членов оказывались такие, что могли бы дискредитировать наше Общество в глазах обычного мирского человека — как из-за падения ниже уровня морали, принятой в данное время и данном месте, так и из-за подъёма над ним до такой степени, что массы заурядных людей такого человека уже не понимают, а потому подозревают и ненавидят. Но я думаю, что это временное неудобство несёт меньше вреда, чем внесение разъединяющих сил самодовольного ханжества и презрения, которые находят выход в преследовании и исключении членов за нравственные недостатки. Присутствие в Обществе человека, в каком-либо отношении опускающегося ниже общепринятых моральных норм, может нанести мало вреда, когда понятно, что наше Общество стремится поднять уровень нравственности верными аргументами и благородными примерами его лучших членов, а не назначением наказаний худшим.

Человек, делающий самые порочные вещи, которые заслуживают самого строгого нравственного осуждения, и всё же имеющий в себе здоровый корень в виде желания помогать и усилий по помощи, может оставаться «подходящим человеком», чтобы быть членом Т.О. Если за проступки назначать наказания, то трудно будет провести черту между теми проступками, которые допустимы и которые недопустимы в нашем Обществе. Если наказывать за разврат, то с какого уровня развратных действий Общество должна начать исключать из членов? Отпадение от добродетели, случающееся иногда? Довольно постоянная нечистая жизнь? Распутство, губящее многих девушек и чужих жён? Даст ли это право на инквизиторское расследование частной жизни членов, подержит ли тайные обвинения или лишь накажет тех, кто нарушает 11-ю заповедь — «не попадайся»?

Член Т.О. может придерживаться любых богословских взглядов, каких ему заблагорассудится; его нельзя исключать за проповедь вечных мук или постоянного горения на вечном огне чудесно сохраняющихся некрещёных детей,

или за predetermined осуждение душ, которые ещё только должны быть сотворены, или за проповедь о малом количестве тех, кто спасётся, или о буквально золотых, с драгоценными камнями, вратах Нового Иерусалима, или о физическом бессмертии миссис Эдди или Хирама Батлера и т.д., и т.п. Все эти вопросы оставляются на разумное рассмотрение и обсуждение, и теософ никак не может наказываться за свои религиозные взгляды, какими бы странными и ошибочными они ни были. Вполне справедливо считается, что с заблуждениями лучше бороться разумом, чем наказанием, и хотя могут сказать, что такая политика терпимости открывает дверь любым видам богословского разгула, всё же чувствуется, что такой риск мал в сравнении с введением принципов, логическим завершением которых окажется сожжение или инквизиция. Наша религиозная свобода (лицензия на безверие — скажут догматики) остаётся гарантированной и непоколебимой.

Но разве мы не можем сохранять религиозную свободу и при этом иметь обязательный общий уровень поведения, выше которого члены могут подниматься, но ниже которого опускаться не могут? Предоставим ли мы свободу мнения в вопросах морали, подобную той, что есть у нас в религиозных вопросах? Здесь некоторые наши члены требуют остановиться. Они бы не позволили члену придерживаться мнений, ведущих к убийству, воровству, супружеской измене, любым сексуальным отклонениям или прочим порочным практикам. Должно ли Теософическое Общество устанавливать для своих членов моральный кодекс, нарушение которого будет наказываться исключением?

Я не считаю, что у Теософического Общества есть какой-либо моральный кодекс, связывающий его членов. То, что такого кодекса фактически нет, это ясно, поскольку не имеется ни одного экземпляра его ни в письменном, ни в печатном виде. Существует ли он как общее мнение, в виде консенсуса? (Хотя это нельзя было бы считать кодексом). Если так, то каковы же мнения? Полигамия моральна или аморальна? Но многие наши хорошие члены на Востоке — многожёнцы. У нас есть и члены, принадлежащие к сообществу, где практикуется полиандрия. Проституция моральна или аморальна? Боюсь, что история некоторых наших членов не совсем чиста в этом отношении; должны ли они быть исключены? По вопросу отношения полов некоторые великие посвящённые в прошлом учили весьма своеобразным и оскорбительным для нас доктринам; исключили бы мы Сократа, Платона, Моисея, Вьесу? У нас нет морального кодекса; мы придерживаемся возвышенных идеалов, стараемся следовать вдохновляющим примерам, и доверяем им благодаря той побудительной силе, которую они поднимают наших членов на высокий нравственный уровень, но у нас нет кодекса, предусматривающего наказания за нарушение его предписаний.

Можем ли мы принять среднее общественное мнение любого времени или места в качестве такого кодекса — т.е. должен ли на Западе многожёнцев исключать, а на Востоке считаться подходящим и годным для членства? Тогда бы нашим нравственным кодексом стало общественное мнение. Но было бы это удовлетворительно? Это означало бы застой, а не прогресс; смерть, а не жизнь. Такой принцип исключил бы из наших рядов величайших мучеников прошлого, пионеров всех времён и рас. Должно ли Теософическое Общество состоять из тех, кто во все века убивает пророков, а потом, века спустя, когда уровень эпохи достигает уровня этих мучеников, строит им мавзолей? Тогда как в каждую эпоху легко быть уверенным, что преследуешь и убиваешь порочных людей, потомки часто меняют вердикт на противоположный и прославляют тех, кого заклеили предки. Ни одному иудею из тех, кто в первую страстную пятницу поздравили себя и друзей с тем, что очистили иудейское общество, убив богохульника, обманщика народа и зачинщика беспорядков, и не снилось, что будущее общество будет считать замученного злодея своим Спасителем от всякого зла. История так мстит, и мудры те, кто учатся на её уроках и не хватают поспешно камень, чтобы забить кого-нибудь.

Допустим, какой-то человек противостоит торжествующему большинству и стремится собрать вокруг себя тех, кто сходно с ним мыслит. Это, несомненно, вызовет

«возбуждение» и беспокойство в отделении или секции; что же с ним делать? Мой ответ — «Оставьте его на время в покое, а если он будет навязывать своё мнение на встречах отделения или вести себя так, что помещение отделения не сможет использоваться большинством, тогда его законно будет выдворить из помещения, чтобы он вёл свою агитацию где-нибудь в другом месте, но он не должен исключаться из Теософического Общества. Самое большое — его можно исключить из отделения, где физические контакты неизбежны и один может доставлять беспокойство сотне людей».

Всякая реформа начинается немногими, и если она ценна, то их круг расширяется, пока они не становятся большинством. Борцы против рабства в Соединённых Штатах считались вредными возмутителями спокойствия, их вымазывали дёгтем, обваливали в перьях и изгоняли из черты городов. Но в конечном счёте эти смутьяны, над которыми так издевались, искоренили рабство. То, что большинство клеймит как «нарушение спокойствия», меньшинство считает защитой великих принципов. Только время может судить, а не большинство на данный момент. Лучше временное неудобство, чем насильственное удушение другого мнения. Если это мнение неверно, то время его сотрёт. «Только истина побеждает, а не ложь». Если это верно, время увенчает её, и велика будет награда тех, кто селл её в её некоронованные дни. «Пусть истина и ложь состязаются, разве истина когда-нибудь проигрывала в честном состязании?»¹

Е.П. Блаватская предупреждала нас, что величайшая опасность для Теософического Общества — в том, что оно может стать сектой. Потому превыше всего прочего мы должны охранять свободу мысли и речи, и особенно ревностно — когда эти мысли и речи антагонистичны нашим собственным. Истина — чистое золото, её не сжечь в огне дискуссий; выжжен может быть только шлак. «И огонь испытывает дело каждого, каково оно есть».²

Эта аргументация в результате подтверждает взгляд, что годность и подходящесть человека для членства в Теософическом Обществе зависит от его желания помогать добиться всеобщего осознания Всеобщего Братства; и если желание это в каком-либо конкретном случае ставится под вопрос на том основании, что он учит неверным доктринам или неверным методам, тем мешая, а не помогая этому, будет логично выяснить — фактически помог ли он кому-нибудь осознать братство, и свидетельство о том, что он помог это сделать, будет решающим и окончательным.

Я не оспариваю права каждого отделения исключать любого человека из своих рядов; оно может избирать в качестве выступающих со своей платформы тех, кто озвучивает взгляды их большинства на религию, философию и этику; это в его праве, будь его политика мудрой или нет. Но оно не должно желать исключать тех, с кем оно не согласено, из всех платформ всех отделений.

Я знаю, что в нашем Обществе есть много хороших и уважаемых мною людей, которые сочтут, что эта статья заключает в себе очень опасную доктрину, и которые спросят: «Разве мы не должны отсекалть от наших семей загрязняющие влияния? Разве не должны мы держать ядро чистым, чтобы через него могла действовать духовная жизнь?» На первый вопрос я отвечаю «Да, потому что в семье есть дети, которых нужно оберегать, пока они не станут достаточно сильными, чтобы защищаться сами; но Теософическое Общество состоит не из детей, а из взрослых мужчин и женщин, и не нуждается в укрытии, по праву предоставляемому юным». На второй вопрос я отвечаю «Чем чище ядро, тем больше будет изливаться через него духовная жизнь, но разве оно делается чистым путём исключения тех, кого мы сочтём виновными в каком-то зловредном учении или порочной практике? При этом мы оставим в нём сотни других, виновных в других видах зол, и мы не можем изгонять всякого, чьё отсутствие сделало бы ядро чище, пока не дойдём до состояния того старика, который сказал о своём сообществе, выявлявшем в своих рядах еретиков: „Остались только я и Джейми, и то я не очень уверен насчёт него“».

Я искренне верю, что лучший вклад в очищение ядра мы внесём очищением себя, а не исключением своих братьев; что мы лучше предотвратим несправедливое следованием возвышенным идеалам, чем презрительно отделяясь от тех, кого мы осуждаем; что Общество живёт величием своих идеалов, а не строгостью своей линии исключительности; что оно будет держаться пропорционально духовности, раскрывающейся в его членах, а не мирскому одобрению или осуждению; что мы делаем его сильнее в той мере, в какой любим и прощаем, а ослабляем настолько, насколько осуждаем и подвергаем остракизму.

Так я читаю. И не могу верить иначе.

(«Теософист», февраль 1907).

Добавление, сделанное при издании статьи отдельной брошюрой

Для сведения более новых членов я могу тут пояснить, как была написана эта статья. Она не имела отношения к моему уважаемому оклеветанному другу, Ч. У. Ледбитеру, ибо во-первых, он вышел из членов Общества почти за год до того, а я тут говорю не о выходе, а об исключении, и во-вторых, я знаю его как человека самого благородного и чистого характера, а здесь я занималась «грешниками». Но в те тревожные дни 1906 года один из наших лучших членов был исключён из Теософического Общества за то, что среди прочего сказал, что у Общества нет морального кодекса. По запросу Президента-основателя я вынесла этот вопрос на генеральный совет, и с его полного согласия исключение было отменено и член восстановлен. В то время, когда это предстояло, я выдвигалась на президентский пост — это было в январе 1907 г. — и написала вышеприведённую статью, специально используя ту фразу, что была использована в обвинении против исключённого члена, чтобы проверить, подвергнусь ли я такому же наказанию, а также чтобы все члены Т.О. могли знать, прежде чем проголосуют, какова будет моя политика, если я буду избрана. Фраза была вырвана из контекста и широко против меня использовалась как демонстрирующая, что я считаю нравственность делом безразличным в Теософическом Обществе. Ничто не может быть дальше от истины. Это как вырвать из Библии высказывание «нет Бога», что будет буквально верной цитатой, но в таком виде будет передавать ложь. Ради тех многих хороших людей, которые были подавлены ложным толкованием моих слов, я перепечатываю эту статью.

Основу Теософического Общества — признание братства, и ничто не должно к этому добавляться в качестве условия приёма, ни к отверганию его в качестве основания для исключения. Т.О. существует, чтобы распространять это признание, и принимает в члены только тех, кто желает помогать в распространении. Лишь те, кто отвергают это условия, кто отрицают братство, должны исключаться. И исключение — не наказание за проступок, а неизбежный результат того, что они бросили цель, ради продвижения которой вступали.

Я глубоко убеждена, что духовное общество не может, не совершив тем самоубийства, изгонять грешника вместо того, чтобы стремиться его спасти, и что у него не может быть морального кодекса, навязываемого членам под угрозой наказания. И это основывается не просто на здравом смысле, как у домохозяйки из притчи Христа (см. от Матфея XIII, 28–29), утверждавшего, что выпалывая плевель, как бы не выполоть и пшеницу, а на более глубоком принципе, что мы хранители наших младших братьев, что зло не уничтожить злом, что закон Моисея может быть необходим для поддержки государства, но Дух Будды и Христа — сама жизнь духовного Общества; что помогать слабым — долг сильных; и что грешник может быть спасён сообществом добрых, но никогда — изгнанием из него. Как посланница Белой Ложи я должна провозглашать её вечный принцип «Любовь есть исполнение Закона» и действовать по нему.

Анни Безант

Адыяр, 14 июня 1910 г.

1 Речь Дж. Милтона в английском парламенте за свободу книгопечатания, 1644. — Прим. пер.

2 Коринфянам, 3.13. — Прим. пер.

Х.С. Олкотт

ПСИХОМЕТРИЯ И ЧТЕНИЕ В АКАШЕ

(Из глав XXVIII–XXIX тома V
«Листов старого дневника»)

Не могу оставить без упоминания те занятия, которые были очень захватывающими и в то же время открытыми для критики со стороны исследователей психических наук: я имею в виду опыты по прослеживанию прежних воплощений некоторых наших ведущих деятелей. Ни что не может быть более вероятным, и это как минимум, что основные действующие лица в нашем теософическом движении, за которыми, как мы имеем основания полагать, наблюдают, и которых направляют определённые Лица, должны были в прошлые эпохи иметь с этими невидимыми лицами взаимные личные отношения. Как только принимаешь теорию о карме и реинкарнации как разумную, и понимаешь, что существа ограничены какими-то семьями или странами не более, чем капли фонтана его резервуаром, становится ясно, что когда существо развивается до такой степени, что потенциально может помогать эволюции, оно может быть направлено на воплощение в такие семьи и места, где оно может оказать наиболее полезную помощь и в то же время получить для себя лучшие шансы отработать свою совместную карму. Например я видел длинную таблицу последовательных перевоплощений одной индивидуальности, развившей особые способности к искусству.¹ Каждый раз, войдя в воплощение, она использовала свои врождённые способности для создания прекрасных форм, так приобретая всё больше мастерства, и следующий раз принося эту способность в воплощение, в котором имела больше или меньше шансов получить художественную известность — в зависимости от того, насколько благоприятной была среда. Эта среда каждый раз изменялась соответственно нравственным, интеллектуальным и даже духовным влияниям, стоявшим за этой индивидуальностью. Это не означает, что художник, скульптор или музыкант должен непрерывно расти в своём искусстве с каждым следующим перевоплощением, ибо индивидуальность не ограничивается одной творческой способностью, а действует и в семье, государстве или других областях соответственно тому, влечение к чему она развила. Так что будь то с религиозными наклонностями, способностью к изобретательству, литературе, военной науке или управлению — если существу дать необходимые условия, оно всегда инстинктивно встанет на дорожку, выстроенную её прежним опытом.

Это я говорю в качестве комментария к разнообразным чтениям записей в акаше, которые делались для меня в Лондоне в то время. Среди тех, чей эволюционный путь так проследили, был и я, и картина, которую нарисовали мои психометристы, читая Книгу Читра-гупты, была конечно завораживающей. Я далёк от того, чтобы претендовать на способность различать в их рассказах истину и заблуждение — не имея развитых психометрических способностей, я могу только отложить эти истории в дальний чулан своей памяти, и ждать, пока время покажет, что верно, а что нет. Эта те-

ма настолько интересна, что я оставляю её тут и продолжу уже в следующей главе.

Мы обсуждали вопрос возможности проследить эволюционный прогресс любого существа по его следу, оставленному при движении по его как бы особой орбите, отмечая перерывы в его движении из-за периодических вхождений в воплощения на физическом плане. Несведущему читателю это может показаться экстравагантным предположением, но если взять на себя труд ознакомиться с результатами, уже полученными в разных странах разными наблюдателями в области психометрических исследований, идея эта потеряет характер чуда и представится столь же разумным утверждением, как идея о прослеживании движения планетных тел. Прошло уже более половины столетия с тех пор, как в 1849 году американский врач, доктор Дж. Р. Бьюкэнэн, объявил миру о своём великолепном открытии психометрии.

Зародыш этой идеи ему подал в 1840 году покойный епископ Полк из Теннесси, который в разговоре сообщил ему, что его нервная чувствительность «столь остра, что если он случайно, даже в темноте, коснётся кусочка меди, то он сразу же чувствует, как её влияние проходит через его нервную систему, и ощущает неприятный металлический вкус». Заурядному человеку это замечание ничего бы не дало, он бы не продвинулся дальше, но, как сказал Дентон, «в этом случае нужная вещь была сказана нужному человеку, и он начал серию экспериментов, помещая разные металлы в руки высокочувствительных людей, таким образом обнаружив, что многие из них были способны назвать металлы, ничего о них не зная кроме того, что было передано через прикосновение». Продолжив свои исследования, он обнаружил, что если этим сенситивам дать вещества определённого вкуса, как сахар, соль, перец, что-то кислое или горькое, и так далее, они получают столь чёткое впечатление, что могут узнать и назвать вещество — даже если оно завернуто в бумагу. Из 130 студентов Эклетикического медицинского колледжа в Цинциннати 43 письменно засвидетельствовали, что способны это делать.

Со временем Бьюкэнэн продвинул свои исследования в новую интереснейшую область. Он обнаружил, что его сенситивы, прикладывая ко лбу письменный документ, не важно, древний или современный, или картину, или кусочек ткани, или любую вещь использованную или сделанную человеком, могли войти в психический или аурический контакт с тем, с кем эта вещь была связана.

Таким образом для исследований открылась огромная область человеческой истории. В 1853 г. Уильям Дентон, геолог и палеонтолог, прочитав об этих вещах и поразмыслив над ними, пришёл к идее, что «если на письме может запечатлеться образ пищащего и его окружения, хотя бумага подвергалась их влиянию краткий промежуток времени, почему не могут камни принимать впечатления окружающих предметов... и аналогичным образом передавать их чувствительным людям?». Так что он осторожно начал испытывать психометрические способности своей сестры, потом жены, и наконец своего молодого сына, давая им кусочки минералов, окаменелостей и другие геологические находки. К своей великой радости он обнаружил, что его догадка была верна, и с тех пор на протяжении 15 или 20 лет он экспериментировал и зафиксировал результаты в интереснейшей книге под названием «Душа вещей».² Его открытию Бьюкэнэн дал название «психометрия».

Я познакомился этим открытием почти сразу после объявления о нём, а в связи с написанием данной главы прочитал три тома упомянутой интереснейшей работы Дентона. Я не преувеличу, сказав, что если кто-то

1 Имеются в виду жизни «Эрато», исследованные Ч. Ледбитером в мае 1895 года. Они публиковались в «Теософисте» за апрель — сентябрь 1912 года. — К. Дж.

2 William Denton, «The Soul of Things, or, Psychometric Researches and Discoveries».

хочет приобрести полное понимание откровений, данных нам Ледбитером, Скоттом-Эллиотом и некоторыми другими, и если он хочет понять секрет того, как Е.П. Блаватская писала чудесные книги о вещах, которые совершенно не входили в область её образования, он должен ознакомиться с принципами и историей психометрии. Хотя современные индусы её не знают, имя их мистического божества, Читра-гупта, фактически является синонимом психометрии, ибо, как знает каждый санскритолог, это имя значит «скрытые картины». А на японской религиозной картине, висящей на стене комнаты, где я это пишу, бог Яма выносит приговор представшему перед ним обвиняемому, чьи тайные грехи всей жизни открываются его взору в волшебном зеркале, стоящем справа от Читра-гупты, «хранителя записей».

Если бы человеку было возможно пройти свой эволюционный путь, оставляя за собой не больше следов, чем оставляет киль лодки на воде, тогда обсуждение вопроса восстановления картин истории далёкого прошлого было бы пустой тратой времени. Одной из самых поразительных книг во всей литературе является Джатакаттхаваннана, или истории 500 жизней Будды. Предполагается, что Просветлённый время от времени вспоминал истории разных своих воплощений и отношения, в которых были с ним некоторые из его учеников. Это тоже произведение, которое нужно прочитать вдумчивым теософам после того, как они подготовят свои умы чтением Бьюкэнэна, Дентона и некоторых из наших современных сотрудников. Профессор Рис Дэвидс считает, что эти Джатаки являются источником, из которого происходит огромная часть мирового фольклора, и в действительности не так уж важно, являются ли они подлинным описанием воплощений Шакьямуни, ибо целью их было показать, как семена нынешних событий могли быть посеяны в наших прошлых жизнях.

Поразительный факт, заключённый в открытии Бьюкэнэна, состоит в том, что окружающая нас природа оказалась чем-то вроде фотоплёнки, на которой неизгладимо запечатляемся мы, наши дела, слова и даже характеры. И запись эта со временем не теряет своей живости, и картина произошедшего миллион лет назад предстаёт перед психометристом столь живой, яркой и полной цвета, как будто она сделана лишь час назад. У меня есть соблазн проиллюстрировать это многочисленными цитатами из психометрических записей, собранных в книгах профессора Дентона, но поскольку место мне не позволяет, я могу дать лишь одну или две кратких выдержки, показывающих, что я имею в виду. Например, психометристке дали маленький кусочек фрески из стены «Дома Цицерона» в Помпеях. Она поместила его перед своим лбом, и тогда перед ней предстало множество картин. Она увидела помпейские дома с мебелью, украшениями и обитателями; толпы народа на улице; людей, едущих в каретах; солдат с пиками в руках и в доспехах той эпохи; собрание публики, где множество людей слушали музыку или смотрели зрелища — всё это было в столь живых цветах, как будто она смотрела на сегодняшние сцены.

Другой опыт сделали с образцом вулканического туфа, размером не более небольшого боба, который тоже был добыт при раскопках Помпей. Психометристка увидела тот же город, но другие сцены, и теперь её внимание было привлечено огромной горой (Везувием), где происходило сильное извержение. Затем она, как непосредственный свидетель, стала описывать ту ужасающую катастрофу, которая в 79 году н.э. похоронила и на 17 столетий скрыла от глаз человека этот весёлый город любителей удовольствий, где роскошь была доведена до величайших высот, а ублажение плоти стало

целью высшего общества. Как известно читателю, у нас есть лишь одно достоверное описание этой великой трагедии, автор которого, Плиний Младший, тоже был её свидетелем. И как я уже говорил раньше, ссылаясь на этот факт, если сравнить рассказ Плиния и психометрическое описание миссис Дентон, станет видно, что она несколько не прибегла к плагиату, а дала описание, какое мог составить лишь непосредственный свидетель. И тем не менее, источником её вдохновения был лишь маленький кусочек туфа, извергнутого Везувием во время катастрофы. Для её восприятия, зрения и слуха всё было живо и реально.

«Я слышу рёв этой горы. Из какой глубины он идёт!.. Количество изверженного огромно. Это не похоже на лаву, а распространяется огромным чёрным облаком, которое всё накатывает и накрывает страну, подобно наводнению. Я едва верю, что то, что я вижу — правда. Это выглядит так, как будто оно хочет всё под собой похоронить. Какое зрелище! Оно изливается, распространяется, пенится, скатываясь со склона горы огромной чёрной волной. Мне кажется, что там есть и вода, и она тоже стекает по склону горы.» Насколько это верно, всякий посетивший раскопанные теперь Помпей, может оценить. Затем она увидела охваченных ужасом жителей, выбегающих на открытое пространство в тщетной надежде спастись. «Я чувствую влияние человеческого ужаса, которого не могу описать; это отвратительно... Мне хочется завизжать. Там смешано множество чувств, но ужас пересиливает их все. Это и в Геркулануме Помпей¹. Никакой фантазии, всё ужасающе реально. Некоторые, похоже, считают это карой богов. Там дикая паника, мольбы и слепой страх. Теперь я их вижу. Одни заламывают руки, другие дико выбрасывают их в стороны... Сейчас я вижу очень большую толпу, некоторые бегут, иногда оглядываясь, другие, похоже, чувствуют, что им не уйти, но они должны идти, спасая жизнь. Зрелище, мучительное до крайности. Я вижу, как одна женщина отделилась от толпы и рванулась назад, как если бы оставила беспомощных родителей или ребёнка, которых теперь решила спасать, но ей в отчаянии пришлось бросить это намерение, так как из вулкана произошёл новый выброс, и она видит, что надежды нет. Теперь вокруг них почти такая темнота, как ночью. В какой они панике! Многие не знают, ни что делать, ни куда бежать. Они ведут себя так, как будто в мире для них больше не осталось места.»

Теперь давайте перенесёмся назад в Древний Египет, во времена «не меньше двух тысяч лет назад, а возможно, и намного более ранние». Психометристкой в этом случае была не миссис Дентон, а миссис Клэпп, жена знакомого профессора Дентона. Последний послал её мужу кусочек косточки какого-то плода, взятой из древней могилы в Фивах, Верхний Египет. Этот образец был величиной примерно с зёрнышко. Дентон ничего не сообщил Клаппу о том, что это такое, так что результат невозможно объяснить передачей мыслей от мужа к жене. Первое полученное ею впечатление было о пещере, которая выглядела так, как если бы была гробницей. Она входит и в темноте видит саркофаги — «странного вида гробы, не такие, как в нашей стране — очень узкие в ногах и широкие в плечах; в ногах на конце у них странный крест.

Вот идёт процессия, все в чёрном. Восемь человек несут грубого вида носилки, а на них гроб, покрытый чёрной материей. Они поставили его перед гробницей и смотрят на него. Ещё несколько человек ждут у входа, вблизи двух больших камней, похожих на межевые. Четверо из восьми положили на гроб по зелёной веточке — две в головах, и две в ногах. Теперь другие четверо приделали на веточки по кусочку чего-то чёрного и

1 Так в оригинале. Видимо, психометристка считала Геркуланум районом Помпей, а не отдельным городом. Выбор темы, на мой взгляд, не вполне удачен, т.к. эта история общеизвестна, однако некоторым подтверждением (насколько убедительным — судить читателю) могут служить полученные в конце XX века археологические данные, по которым жители Геркуланума погибли, пытаясь спастись на берегу, а не успешно эвакуировались, как считалось ранее из-за малого количества найденных тел. — *Прим. пер.*

совершают над гробом движения — прощаются, я полагаю. Теперь остальные поднимаются к гробнице и образуют по шеренге по обе стороны от неё. Каждый прикладывает правую руку к сердцу, а левую — к краю своего головного убора.»

Психометристка проследила похоронную церемонию до её завершения, поднявшись вместе с процессией по шести каменным ступеням. Они вошли в большой зал. Вдоль всего зала проходила длинная скамья, а по сторонам были столы или что-то похожее на них. Впереди, напротив входа, был алтарь, или трибуна, а перед ним — большой ящик. Они проследовали к нему, сняли все свои похоронные одеяния, развязали ленты на своих голенях и сложили всё в этот большой ящик; затем они вышли и скрылись из поля зрения.

Так в ходе серии экспериментов, проведённых профессором Дентоном на протяжении ряда лет, были проведены психометрические исследования ряда рас человечества в очень многих странах, в самые разные эпохи и во всех мыслимых видах окружающей среды, не говоря уже о наблюдениях Земли в разные геологические эпохи и допотопных, как и более поздних птиц, рыб, животных, диких и приручённых, используемые технологии, короче, множество фактов, позволяющих нам получить очень хорошее представление об истории нашей планеты. И кто теперь скажет, что невозможно, если имеются серьёзные основания верить в неизгладимость записей о жизнях людей в немеркнущих картинных галереях природы, и знания о семеричном составе человека и убедительной реальности реинкарнации, для того, кто обладает психометрической способностью, проследить прошлые жизни каждого из нас столь же точно, как астроном может рассчитать и предсказать движение планеты по орбите? Конечно, если честно, то надо признать, что в настоящий момент научная ценность психометрических исследований ещё очень далека от подтверждения — была собрана масса интересных данных, некоторые из которых проверяемы, некоторые, возможно, верны, а некоторые кажутся невероятными. Перед нами простирается весьма достойное поле исследований. И что касается проследивания прошлых жизней некоторых из нас в Теософическом Обществе, будет лишь честным сказать, что их результаты нельзя принимать в качестве абсолютной истины, пока наши наблюдатели не разовьют своё ясновидение в гораздо большей степени, чем сейчас, и пока они не будут в состоянии полностью отстраниться от всех личных предпочтений или антагонизма к тем субъектам, эволюционный путь которых они наблюдают.

Одним из самых поразительных является случай профессора Хитчкока, описанный в «Нью Инглэндере» им самим. «Во время приступа болезни у него день за днём были видения простиравшихся перед ним странных ландшафтов. Там были горы, озёра и леса — огромные скалы, слой за слоем громоздящиеся до облаков — панорама мира разломанного и вздыбленного, раскрывающая мрачные тайны творения, бесформенные и чудовищные остатки органического существа».¹ Если он был достаточно чувствителен, то не удивительно, что он это увидел, так как он изо дня в день имел дело с камнями, содержащими эти пейзажи, и был постоянно ими окружён. В своей «Религии геологии»² он говорит о влиянии света на тела и образовании в них картин посредством его: «Представляется, что фотографическое влияние проникает всю природу, и мы не можем сказать, где оно останавливается. Мы не знаем, но оно может запечатлеть на окружающем нас мире наши черты, изменяемые разными переживаниями, так наполняя природу дагеротипными отпечатками всех наших действий, совершаемых при дневном свете. Также может быть, что есть средства, которыми природа, ис-

куснее, чем любой фотограф, может извлекать и фиксировать эти портреты так, чтобы чувства, более острые, нежели наши, могли видеть их на гигантском холсте, простёртом над материальной вселенной. Возможно, на этом холсте картины никогда не выплывают, а становятся экспонатами великой картинной галереи природы».

Один поразительный факт, установленный психометрическими исследованиями, состоит в том, что получить конкретную сцену или персонажа какой-либо прошлой эпохи точно так же можно и из маленькой крупинки материи, взятой из местности или дома интересующего нас человека. Нет необходимости даже в том, чтобы эта крупинка достигала размера зёрнышка пшеницы, потому что во многих случаях кусочек лавы или штукатурки был превращён в пыль, и мазок её делался посередине лба психометриста. При этом он получал столь же ясные видения, как и когда держал в руке кусок размером с яблоко или манго. Мы можем пойти даже дальше и заметить, что маленький кусочек савана мумии или занавеса, когда-то висевшего в зале суда, или предмет вроде ручки или меча, или шлема, бывшего в соприкосновении с телом умершего исторического деятеля, может позволить психометристу живо описать этого человека и даже его характер и мотивы. Так что когда психометрия будет усовершенствована, мы получим средства исправить неточности в писаной истории и прочитать в «скрытых картинах» нашего индусского Читра-гупты пока что скрытую историю эволюции Земли, происхождение народов и всё, что с ними происходило. Когда видишь, как самые скрытые, отдалённые и невообразимые события прошлого прослеживаются психометрическим видением, осознаёшь, насколько уместно было заявление автора Псалмов (пс. СXXXIX / 138.12), что нет места ни в небесах, ни в аду, ни в глубинах моря, где бы человек мог избежать божественной силы, и бесполезно ему призывать тьму, чтобы в ней скрыться, ибо «и тьма не затмит от Тебя, и ночь [для тебя] светла, как день: как тьма, так и свет». Психометристы профессора Дентона наблюдали людей, работавших в глубочайших шахтах, видели обитателей самых глубин океана, исторические сцены многих эпох и даже первобытных чудовищ суши, моря и воздуха, рыщущих в поисках пищи, пожирающих друг друга и сражающихся не на жизнь, а на смерть. Поистине тупицей нужно быть, чтобы читая эти записи, не понять, что уединение для человека, зверя или птицы немислимо и совершенно невозможно, и как бы ни скрывались преступления, их следы в записях акаши неизгладимы. < ... >

19-го Анни Безант выступала в ложе Блаватской с лекцией «Отношения человека с природой».

21-го она вместе с Ледбитером проследила в акаше кое-что из моей истории, на этот раз обнаружив меня в столице Атлантиды, когда один из наших Учителей был правящим самодержцем, а Е.П. Блаватская — его сыном. Сцена в царских садах, где группа заговорщиков напала на молодого принца, а я воспользовался шансом вовремя прийти ему на помощь, была живописной и очень интересной.³ 24 сентября, когда г-жа Безант была в Бристоле, где выступала с лекциями, я попросил Ледбитера психометрически исследовать «цветком рождённое» кольцо, появившееся из середины розы, которую я держал в руке (этот случай описан мною в первом томе этих дневников). Он меня весьма обрадовал, выяснив, что феномен был подлинным и там не было никакого шарлатанства.

1 E.P. Hood, «Dream Land and Ghost Land».

2 Edward Hitchcock, «The Religion of Geology and Its Connected Sciences» (Boston, 1851).

3 Для более полного описания этого давнего случая см. главу «Верный до самой смерти», написанную Ч. Ледбитером, в книге «Воспоминания о полковнике Олкотте» («Reminiscences of Colonel H. S. Olcott» / «Faithful unto Death»). — К. Джинарадждаса.

Николай Рейнке

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ ЖИТОМИРСКОГО ОТДЕЛА ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ГИНЦЕ
(краткая биография)

Виктор Викторович Гинце был основателем Житомирского Отдела Русского Теософического Общества, и мы с сестрой имели счастье работать вместе с ним и узнать его ближе.

Несколько слов о внешней стороне его жизни. Родился В.В. 13 авг. 1875 г. в Петербурге в семье старшего врача Обуховской Больницы. Он окончил Peterschule (немецкая гимназия в Петербурге), а затем Военно-Медицинскую Академию. Выбрал он специальность врача не потому что его отец и дед были врачами, а потому, что это было его настоящее призвание.

По окончании Академии В.В. был послан врачом на Дальний Восток, а затем переведен в Варшавскую крепость, где за отказ присутствовать при казни солдата был уволен в запас. Приехав в Петербург, он работал старшим врачом Обуховской Больницы на месте своего отца. В это же время он специализировался в области лечения туберкулеза и несколько лет работал под руководством знаменитого проф. Штернберга, а также несколько раз ездил совершенствоваться в Германию.

В 1907–1908 г. В.В. познакомился с учениями Теософии и посещал теософический кружок Пантениус, а в 1908 г., с открытием Рус. Теос. О-ва, стал его деятельным членом. Он участвовал в работе кружков и был сотрудником журнала «Вестник Теософии». Будучи от природы ясновидящим, он изучал эфирное тело человека и влияние болезней на него.

В 1913 г. Общество Борьбы с Бугорчаткой предложило В.В. место старшего врача только что выстроенной Туберкулезной Санатории и Заведующего Туб. Диспансером в г. Житомире. Он очень неохотно уезжал из Петербурга. Здесь у него завязалась глубокая связь с Т.О., и вся жизнь была полна теософических и научных интересов. Житомир был для него далекой провинцией, где не было ни одной знакомой души. Но стремление к служению взяло вверх.

Поселившись в Житомире, д-р Гинце не только вполне отдался медицинской работе, но и не прерывал связи с Теософическим Обществом. На расстоянии он регулярно работал под руководством Анны Алексеевны Каменской, постоянно держа с ней письменную связь, систематически изучал Тайную Доктрину и другие теософические книги. В.В. выписал целый ящик теософической литературы и отдал их в книжный магазин для продажи. Очень скоро среди его пациентов появились люди, интересующиеся теософией, и таким образом образовался зародыш будущего Отдела Т.О.

О возникновении Отдела и о его работе мы поговорим в другой раз. Здесь хочется только сказать, что В.В. был творцом и, от начала и до конца, душой Житомирского Отдела.

В 1914 г. во время войны В.В. был опять на фронте, но вскоре возвратился на свое прежнее место в Житомире. В 1915 г. он принимал деятельное участие в основании Житомирского Вегетарианского О-ва с прекрасной столовой при нем.

С революцией его работа стала еще напряженной. Больных было огромное количество, он страшно уставал, и всё-таки успевал не только принимать больных, но и работать в научных и вегетарианских (заграничных) журналах. В это время теософические чтения переросли в группу, а в 1921 г. — в Отдел Рус. Теософического О-ва. Вся ответственная работа всецело лежала на В.В. Свои доклады ему приходилось обдумывать по дороге в Туб. Санаторию и урывками записывая их. Его работоспособность была изумительна. В своей работе, как теософической, так и во врачебной, он был не только прекрасным организатором, но и вдохновителем. Он имел большие знания не только в области теософии и медицины, но также и ботаники (ценный труд его в этой области погиб во время его ареста).

В.В. постоянно изучал что-либо новое и умел привлечь молодых врачей к исследовательской работе. Интересно, что почти всегда он умел найти и осветить ту сторону, которую другие не видели и даже не подозревали о её существовании. Этим отличались его доклады в медицинском О-ве и на теософических собраниях. В.В. было присуще не только стремление к знанию, но также и глубокая девициональность. В теософической работе он был таким же вдохновителем, и на собраниях умел создавать спокойное, углубленное настроение. Он был во всем обаятельно прост и держал себя со всеми как равный, тем не менее, все мы чувствовали его значительность и духовность. Уже одно присутствие его поднимало нас и рождало желание стать лучше, чище и светлее. Если мы побыли вместе с ним, или даже на минуту встретили его на улице, мы чувствовали себя как бы озаренными исходящим из него внутренним светом. Он мог говорить с нами о самых обыкновенных вещах, о погоде, о больных или о незначительных происшествиях, но всё равно мы чувствовали этот исходящий от него свет. Он всегда, во всем и везде был чрезвычайно скромнен. Его скромность не была искусственной, а совершенно естественной, неотъемлемой частью его характера. Принятые им идеалы не оставались лишь словами, а проводились в жизнь. Можно сказать, что вся жизнь его была сплошным служением — не только тем, что будучи выдающимся врачом, он помогал больным своими знаниями и умением, но и тем, что он умел поднять их силы и вселить бодрость и веру. Своих сотрудников В.В. заражал своим воодушевлением и этим вдохновлял их к самоотверженной работе. Больные, особенно бедные (которых он предпочитал), говорили с восторгом о его отзывчивости, бескорыстии и доброте.

Только самые близкие его друзья знали, что он обладал эфирным и частично астральным зрением. Контузия головы, полученная им во время японской войны, постепенно всё больше ухудшала его слух, но он не потерял способности выслушивать больных и благодаря своей эфирной чувствительности приобрел дар чувствовать пораженные части легких одним приложением руки.

После закрытия Т.О. и отъезда большинства членов Отдела в другие города В.В. в 1926 г. переехал в Ленинград на предложенное ему место в Туберкулезном Институте. Он надеялся, что в Ленинграде найдет не только лучшую обстановку для научной работы; но и на то, что там он сможет серьезно работать со старыми членами бывшего Петербургского Теос. Отдела. На деле оказалось, что научная работа в Туб. институте его не удовлетворяла, а из Лесного, где был Институт, сообщение было очень плохое и трудно было посещать теософические собрания.

В 1928 г. В.В. вернулся обратно в Житомир, ставший ему родным и где его радостно приветствовали бывшие члены Т. О. и старые пациенты.

В 1936 г. за выдающуюся работу в области борьбы с туберкулезом и научные труды по этим вопросам д-ру Гинце было присуждено звание профессора, хотя в Житомире и не было университета.

В это время, благодаря систематическому переутомлению, здоровье его сильно пошатнулось, и после тяжелого падения на спину, с ушибом затылка, у него началось расхождение сетчатой оболочки глаза (другим глазом он вообще плохо видел). Несколько месяцев он был вынужден лежать

на спине и бездействовать, что для него было крайне тяжело.

Когда началась в Советском Союзе «великая чистка», то никакие заслуги, ни плохое здоровье не спасали. 25 апреля 1938 г. В.В. был арестован. Дальнейшая судьба его неизвестна. По одной версии, он умер в тюремной больнице, по другой, выздоровел и сослан. Официальный ответ на бесконечные хлопоты и запросы его жены гласил: «сослан на десять лет, без права переписки».

По сведениям полученным от бывших с ним в одной камере и потом освобожденных заключенных, В.В. пробыл в тюрьме около полугода, где перенес издевательства, сильные побои и тяжелую болезнь. В тюрьме, где было так тесно, что большую часть времени приходилось стоять и только изредка можно было сесть или лечь на каменный пол, В.В. сохранял бодрость и светлое настроение, стараясь поддержать и ободрить других.

У нас всех, близко знавших его и работавших с ним, навсегда останется в памяти его светлый образ и в сердце благодарности за всё, что он передал нам.

Из людей, которых нам пришлось лично встретить, никто не обладал такой духовной силой как В.В.; его присутствие как бы очищало всю атмосферу. Он был некрасивой внешности, очень скромный, не обладал ярким даром красноречия, но в его присутствии становилось всё светлее. Его речь захватывала не блестящей формой, а глубиной мысли, чувства и необыкновенной искренностью. Вся его жизнь отражала принятые им светлые идеи теософии.

Основой всякого духовного учения являются его идеи; и как ценно и прекрасно, когда находятся чистые и сильные люди, через которых они могут проявиться. В.В. был одним из таких светлых проводников.

В следующих номерах журнала мы поместим воспоминания о Житомирском Отделе Р.Т.О., в которых коснемся работы В.В. в Отделе.

Н. Рейнке

ЖИТОМИРСКИЙ ОТДЕЛ РУССКОГО ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Город Житомир, уже начиная с начала XIX века, был до известной степени культурным центром. К началу XX века там сосредоточилось значительное число учебных заведений, которые увеличили число интеллигенции. Но всё же после Петербурга он производил впечатление глухой провинции.

Трудно было В.В. Гинце, переехавшему в 1913 году из Петербурга в Житомир, начинать теософическую работу в этом еще духовно спящем городе. Однако В.В. удалось найти среди своих пациентов несколько человек, проявивших интерес к теософическим учениям и таким образом постепенно образовался небольшой кружок, в котором В.В. читал с объяснениями «Древнюю мудрость» А. Безант. Лица, входившие в этот кружок, не были заинтересованы достаточно глубоко и поэтому не принимали активного участия в работе. Это были главным образом старые польские дамы, имевшие какое-либо личное горе и искавшие утешения; только одна, Флора Владиславовна Зенкевич, выгодно отличалась от других участников своим серьезным интересом и активностью (потом она уехала в Польшу и приняла живое участие в организации Польского Теософического О-ва.) Смысл всей этой деятельности был в ментальной подготовке будущей теософической работы. Почти семь лет кружок систематически собирался, читал и думал о скрытых сторонах жизни, о братстве людей, братстве религий и этим создал мыслеформы, облегчившие дальнейшую работу.

В 1918–1919 г. группа начала расти и собрания её устраивались в помещении столовой Вегетарианского Общества. В это же время группу стали посещать юноши (лет 16–20), еще до знакомства с теософией начитавшиеся книг практического оккультизма. Они до конца были «трудной кармой» В.В. и всего Отдела. В конце 1919 и начале 1920 г. в группу вошел еще ряд молодых, но не тронутых пропа-

гандой псевдоокультурной группы. В это время и мы с сестрой тоже стали посещать эти собрания. Весной 1920 г., во время польского наступления, уехали все польские дамы, и из старой группы В.В. осталось только несколько русских пожилых дам.

Летом, в помещении Столовой Вегетарианского О-ва, а потом в зале Землемерного Училища В.В. прочел 4 или 5 публичных лекций на тему об основных положениях теософии. Эти лекции привлекли довольно большое количество слушателей (до ста человек). Многие из них вскоре начали регулярно посещать теософические чтения. Публичные лекции из-за отсутствия помещения (столовая была реквизирована), должны были прекратиться, но удалось сделать «фиктивную» реквизицию (для Вегетар. О-ва) довольно большой комнаты в квартире одной преданной участницы группы, Е.Н. К....ой. В нее были перенесены уцелевшие от реквизиции несколько складных столов и скамеек. В этой комнате и стала собираться наша группа, а в дальнейшем, и Отдел.

Среди вновь присоединившихся к группе оказалось несколько лиц, искренне преданных идеям теософии и желавших серьезно работать. Это дало возможность В.В. организовать первый кружок. В этот кружок вошли из старой группы три дамы, преданные, но очень пассивные, и из вновь присоединившихся М.Э.К. и мы с сестрой.

Мы начали работать над книгой «Свет на Пути». Конечно эта книга была нам не под силу, но благодаря В.В. и нашему горячему желанию настроение было собранное и светлое, и мы возвращались в повседневную жизнь с новыми силами. В.В. каждому члену кружка предлагал высказывать свои мысли, но только молодые делали попытку сказать несколько слов по поводу продуманного. В.В. же всегда давал глубокое толкование кратких афоризмов изучаемой книги. Мы чувствовали, что смысл и значение этих собраний не в наших неумелых словах и даже не в объяснениях В.В., а в чём-то большем и не от нас зависящем.

Одновременно, еженедельно по воскресениям, собиралась и вся группа, в которой В.В. начал опять читать «Древнюю мудрость», т.к. большинство слушателей не было знакомо с основными учениями теософии.

Это было очень тяжелое время, но о нем у нас осталось самое лучшее воспоминание. В нашем всепобеждающем желании работать было что-то почти мистическое. Голодные, усталые, нищенски одетые, часто с мокрыми ногами благодаря рваной обуви, торопились мы по неуютным, темным и часто опасным улицам на собрания. Все житейские заботы, политические тревоги, всё отходило в сторону.

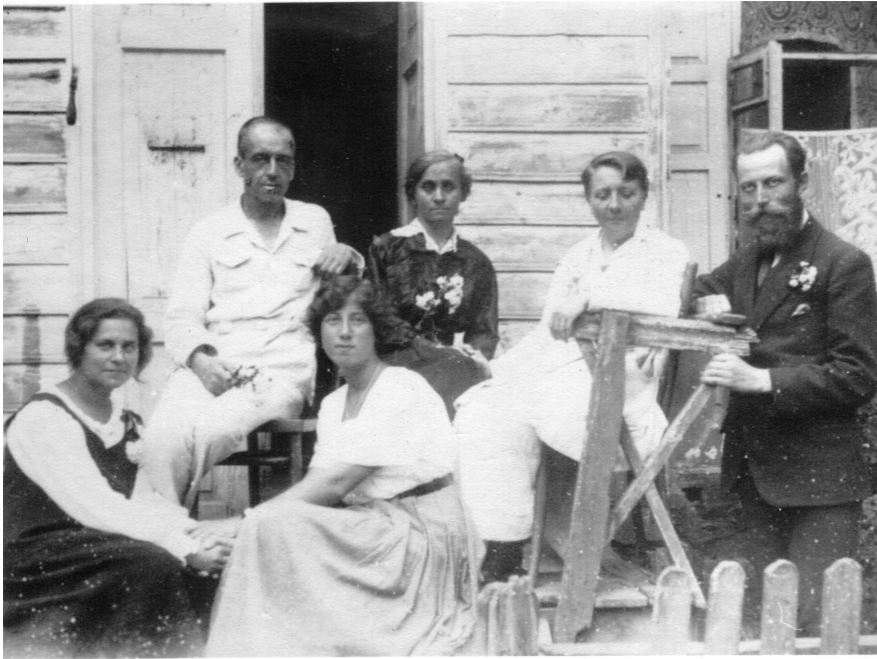
Одним из первых приходил В.В., уставший от работы и беготни по разным Горздравам, Уздравам, Губздравам и больным, большинство которых жило на окраинах города. Но на время собрания он умел быстро освободиться от усталости, как будто стряхивал её с себя, и был бодрый и собранный.

В марте 1921 г. в жизни нашей маленькой группы произошло большое событие. К нам приехал заместитель председателя Рус. Теос. О-ва. Он остался очень доволен работой В.В. и посодействовал принятию в члены шести человек. Вместе с В.В. нас было семь, что давало нам возможность просить об открытии у нас Отдела. Вскоре мы были приняты в члены Киевским Отделом, а открытие Отдела совпало с Днем Белого Лотоса.

У В.В. была довольно большая теософическая библиотека, которую он передал Отделу. Кроме того мы получили много книг из Петербурга. Члены и интересующиеся начали брать книги и усердно читали их при копилках и даже лучинах (керосина не было, а электричество имели только партийцы и ответственные работники). Библиотека дала возможность шире развернуть работу.

Правление Отдела состояло из 5 человек: Председатель В.В., заместитель — я, секретарь — сестра и члены М.Э.К. и Е.Н.К. Из нашего старого кружка был образован «кружок Мэбел Коллинз». Мы изучали там «Свет на Пути», «Идилию белого лотоса» и «Историю года». Этому кружку В.В. сумел придать мистический характер. Не все члены кружка были активны, но это мало мешало.

Проф. В.В. Гинце, Е.Н. К-на, И.З. Е-ва, Н.П. Рейнке, рыцарь Фрося [Спицына] и Д.П. Рейнке. Лето 1922 г.

Второй кружок был «Этический». В него, кроме нас с сестрой, вошло еще 5 человек. Это была первая попытка работать без В.В. В этом кружке тоже не все были активны. В обсуждениях, кроме нас с сестрой, принимали участие М.Э.К. и М.М. (обе преподавательницы) и Ю.Я.В. (очень умный и образованный человек); остальные два члена были молчаливыми, благожелательными слушателями, но в вопросах практического служения все были дружны и активны. Об этом кружке у нас навсегда остались самые наилучшие воспоминания. Характерной чертой его были искренность, братство и готовность служить.

По воскресным дням были открытые собрания, на которых читались доклады на самые разнообразные теософические темы. По средам был библиотечный день, и в час выдачи книг собиралось довольно много интересовавшихся и почти всегда кто-либо читал вслух небольшие вещи из «Вестника теософии».

Осенью наш Отдел принял в члены еще семь человек, а весной 1922 г. мы были поставлены в трудное положение. Часть группы «псевдоокультистов» (как потом мы узнали, уже организованная и возглавляемая Б.) подала заявления о приеме их в члены О-ва. Их настроения, стремления и способ мышления были чужды Теос. О-ву. Они были опасны для такого молодого Отдела своим стремлением вербовать молодежь в члены своей «тайной» организации. Но с другой стороны, у нас не было формального основания не принимать их. В.В. объединил их в отдельном кружке. Своим тактом, чистотой и внутренним светом он завоевал их уважение, но переделать их ему не удалось. Дальнейшая судьба этой молодой группы, уклонившейся в сторону от чистого пути, была очень печальной.

Летом того же года у нас наладились связи с Киевским Отделом. Кроме Павлинов[ой], пришедшей пешком из Киева (150 км.) и читавшей у нас свои переводы греческих гимнов, к нам приезжала И.З.Е., которая вместе с Е.М. Кузьминым руководила кружком рыцарей. Благодаря ей и рыцарю Фросе, которая её сопровождала, мы немного познакомились со структурой и методом работы Киевского Отдела.

Осенью 1922 г. у нас был образован еще ряд кружков: «Изучения религий» руководил В.В. Гинце; «Эрато» — (искусство в свете Теософии) — руководила моя сестра Д.П. Рейнке (она — художник); «Бибракис» — изучение по «Тайной Доктрине» древних духовных культур, а также разбор в свете теософии русских сказок, древнеславянских обычаев и обрядов.

В конце 1922 и начале 1923 г. нам с сестрой пришлось побывать в Киеве, а сестре даже прожить там месяца два.

Это дало нам возможность лично познакомиться с Киевским Отделом и с многими его членами. К этому времени Отдел очень разросся, в нем было до 150 членов. На открытых собраниях Отдела собиралась большая аудитория.

Наибольшее впечатление произвели на нас «Орден Рыцарей Крутлого Стола» и кружок «Изучения теософии по первоисточникам». Кружок Рыцарей был закрытый и сопровождался специальными ритуалами, но так как мы оба были приняты в число рыцарей, то были в состоянии ближе познакомиться с этой работой. Мы надеялись в дальнейшем организовать такой же кружок и в нашем Отделе. Кроме этической работы и практического служения в Отделе и вне его в обязанность каждого рыцаря входило еженедельно давать отчет о своей внутренней работе. Этот отчет изображался графически на маленьком бумажном щите. Постепенно стали изображать его в красках, стараясь передать в них свои настроения, стремления, неудачи и успехи. Это были очень интересные документы о внутренней работе каждого рыцаря. Искренне стараясь точно передать свои переживания,

они делали интуитивные усилия найти способ передачи своих впечатлений в красках и бесформенных рисунках. Рассматривая тетрадь со щитами рыцаря, можно было ясно почувствовать характер его личности и его внутреннюю работу.

Трудно сейчас вспомнить все кружки Киевского Отдела — их было много. В основном вся работа была построена по трем пунктам Т.О.: братство, сравнительное изучение религий, философий и наук и исследование необъяснимых законов природы и скрытых сил человека.

У нас сохранился календарь работы, принятый этическими кружками, который мы думаем, может представлять интерес для некоторых читателей.

ЭТИЧЕСКИЙ КРУЖОК К.О.Р.Т.О. План дневной работы

Вставать в определенный час. Вскликать немедленно со постели. Совершить свой туалет. После этого медитировать.

Медитация: «Да будет благословенно всё человечество — в его прошлом, настоящем и будущем. Да будет благословенно всё живущее под нами, над нами и вокруг нас. Да будет благословен Бог и вся вселенная. После этого надо продумать недельное качество и дневное. Вспомнить план дня.

Полдень: вспомнить недельное и дневное качества.

В 6 часов вечера (по солнцу): Медитация. Если медитировать невозможно, то надо вспомнить качества. Если работа производится кружком, то вспоминаются и в полдень и вечером участники кружка.

Перед сном: Просмотр всего дня. Дневник. План следующего дня. Перед сном отдача себя на волю высших Сил.

Утром, приступая к работе, полезно вспомнить о своих главных недостатках.

Недельные качества

1. Правдивость. 2. Сдержанность. 3. Справедливость. 4. Внимание. 5. Вежливость. 6. Смирение. 7. Терпение. 8. Самообладание. 9. Постоянство. 10. Неосуждение. 11. Мужество.

Как правило, для научения принималась книга «в преддверии храма» Анни Безант. Ежедневно прочитывался отрывок из неё, а затем предлагалось ежедневно просматривать и продумывать его. В конце недели составлялась статья по поводу этого отрывка. Обязательно было

ежедневное ведение дневника, с записью всех своих ошибок и недостатков. Никакие психические упражнения не допускались.

Этический календарь

Воскресенье. «Внимание к другим».

1. Будь предупредительным.
2. Будь вежливым.
3. Терпеливо выслушивай каждого, чтобы хорошо понять своего собеседника и помочь ему.
4. Не пропускай ни одного случая, чтобы помочь и услужить.

Понедельник. «Идеальное выполнение работы»

1. Сосредоточь всё свое внимание на работе, которую ты делаешь.
2. Пробуди в душе интерес к работе, тогда работа покажется тебе совсем иной.
3. Делай всё так, как бы ты делал для Бога, а не для людей.

Вторник. «Не осуждай».

1. Не думай и не говори дурно о людях и о всех живущих.
2. Ищи в них всегда не худшее, а лучшее.
3. Когда при тебе ктонибудь скажет дурно о другом, не подерживай, а сейчас же вспомни и подумай о нем что-нибудь хорошее.

Среда. «Светлое настроение»

1. Будь приветлив и ласков с другими.
2. Следи, чтобы лицо твое не было угрюмо и недовольно.
3. Если приходят печальные мысли, вспомни сейчас о чем-нибудь радостном и светлом.
4. Постарайся радостно подходить ко всем людям.

Четверг. «Сдержанность»

1. Не раздражайся.
2. Не вмешивайся в чужие дела.
3. Спокойно выслушивай даже неприятное и обидное.
4. Следи за речью, чтобы она была спокойна.

Пятница. «Молчание»

1. Говори только необходимое.
2. Не перебивай.
3. Не вмешивайся в разговоры.
4. Говори подумавши.
5. Отвечай только на вопросы.

Суббота. «Красота».

1. Будь опрятен и чистоплотен в одежде и домашней жизни.
2. Не делай резких и некрасивых движений.
3. Не говори некрасивых и грубых слов, даже в шутку.
4. Думай о прекрасном.

К сожалению, мы были мало осведомлены о работе кружков, в которых принимали участие члены старшего поколения, так как эти кружки носили более закрытый характер.

В это же время мы познакомились с Е.В. Родзевич, Е.М. Кузьминым, И.З.Е. и Е.В. Пальшау. Е.В. Родзевич была первым Преседателем Киевского Отдела и хорошим лектором. В то время она была в преклонном возрасте, но имела по-прежнему большое влияние на членов, которые всегда относились к ней с большим уважением и любовью, приходя к ней за советом во внутренних затруднениях. От неё исходили волны любви, мудрости, сочувствия и желанная помощь. Когда по состоянию своего здоровья Е. В. оставила пост председателя, то её место занял Евгений Михайлович Кузьмин. Он был интересный, культурный человек, любитель и знаток искусства. Среди старых членов Т.О. выделялась своим пламенным горением служения Евгения Викторовна Пальшау. Несмотря на свою болезнь, приковавшую её к постели, она всегда была активна и всеми способами, какие только были в её распоряжении старалась помочь другим. В частности, она очень много сделала для нашего Отдела, постоянно переписывая для нас отрывки, а иногда и целые книги переводов теософических книг, например «Жизни Алсиона», «Ориона», «Эрато» и др., получаемых «контрабандой» из-за границы. Благодаря ей вплоть до её смерти (в конце 20-х годов) мы имели кое-какие сведения о зарубежной теософической жизни.

Киевский Отдел имел постоянную связь с Петербургским, Московским и Харьковским Отделами. Случайно стало известно, что в Кисловодске образовалась большая теософическая группа, которой руководили два врача, муж и жена. В то время было так трудно сообщаться, что о дальнейшей их работе мы не имели никаких сведений. Посылать же по почте, когда все письма проходили цензуру, было невозможно, и приходилось ждать «оказии», чтобы передать через верные руки.

В начале 1923 г. был приказ о том, что все общества должны перерегистрироваться. Совет нашего Отдела подал заявление о регистрации не «Житом. Отдела Р.Т.О.», а «Житомирского Теософического Общества», так как заранее было известно, что никакие разветвления обществ не будут разрешены. Нам еще мало были известны методы советской власти и мы надеялись получить это разрешение. То же было сделано в Киевском и других отделах.

В марте этого года я опять был в Киеве и присутствовал на последнем общем собрании Киевского Отдела. Председатель Евгений Михайлович Кузьмин объявил, что получил отказ в регистрации О-ва и распоряжение закрыть Отдел. Он и другие члены много говорили о новых задачах теософов, которые с этого времени не могут заниматься внешним распространением теософических учений, но зато могут всецело посвятить себя внутренней работе и проведению теософии в жизнь. Закрытие О-ва является для всех нас большим испытанием. Можем ли мы обходиться без внешних толчков, или без них интерес к теософии остывает, а напряженная внутренняя работа ослабевает и наша жизнь пойдет по обыденной, проторенной дорожке? Надо сказать, что это собрание вызвало внутренний подъём и все смотрели на будущее бодро и радостно.

К счастью библиотека Отдела не была реквизирована и её разделили на несколько частей и передали на хранение отдельным членам. Маленький домик на Подвальной (где помещался Отдел), насыщенный теософическими вибрациями, пришлось оставить.

Вскоре и наш Отдел получил ответ из Политпросвета, который ведал регистрацией: «Отказать. Рабоче-Крестьянскому Государству не нужны буржуазные Общества». К этому мы были подготовлены и заранее распределили книги библиотеки между В.В. и нами (у нас дома было три члена: сестра, младший брат и я, и в квартире никто чужой не жил). Мы перестали собираться в нашем бывшем помещении, а встречались в частных квартирах. Закрытие Отдела все приняли спокойно, т. к. для членов это мало меняло положение. С этого времени прекратились общие собрания, библиотечные дни и некоторые кружки. Всё стало частным делом, не было протоколов, постановлений и т. п. Книги для чтения мы продолжали давать не только членам, но и известным нам интересующимся.

Мы с В.В. ожидали, что после закрытия Отдела будет усилена слежка и что возможны допросы в ГПУ и аресты, и условились, а также рекомендовали другим членам, не отрицать, что мы теософы и отвечать на все вопросы. Мы были уверены, что не совершали ничего «преступного» (даже с точки зрения советского законодательства) и оставили за собой право встречаться частным образом и заниматься теми вопросами, которые нас интересовали. Новые лица, которые приходили к нам частным образом, получали от нас информацию, а иногда и литературу. Наш Отдел был во много раз меньше Киевского, и мы знали лично не только всех членов, но и интересующихся, а это очень облегчало положение.

Осенью 1923 г. мы составили кружок деволюционного характера «Бхакти», который собирался у нас. Он проработал более двух лет, вплоть до отъезда В.В. в Ленинград в начале 1926 г. Кружок состоял из М.Э.К., М.М., Е.Н.К., С.Ф.К., сестры и меня, вел его В.В. Работал кружок очень гармонично и создавал углубленное и светлое настроение.

Другую группу В.В. собирал у себя дома. Участвовали в ней начинающие и изучали «Древнюю мудрость» А. Бензанта. В интеллектуальном отношении состав группы был сильный: проф. математики, археолог, три преподавателя

музыки и два фармацевта. С ними было очень интересно работать.

С весны 1925 г. я руководил этическим кружком, в который вошли все из предыдущей группы, кроме профессора и его жены-археолога, переехавших в другой город. Но к этому времени мы познакомились с группой интересующихся в Бердичеве, и трое из них регулярно приезжали к нам на собрания кружка. Это были: женщина-врач, директор Профшколы (он же композитор) и один преподаватель школы.

В течение 1924–25 г. большинство членов переехало в другие города, и когда уехал В.В., у нас осталось всего семь человек, которые проявлялись активно. Мы продолжали собираться в нашей квартире, делая собрания не регулярно, чтобы не обращать внимания. Бывшие члены Отдела, время от времени приезжавшие в Житомир, всегда тоже присутствовали.

В 1927 г. вызвали в ГПУ М.М. и «предложили» ей написать историю нашего Отдела. Через несколько дней вызвали и меня и заставили тут же написать историю Отдела тоже. Так как мы еще ранее при В.В. условились говорить и писать только правду, то у нас не получилось расхождений. Мой допрос был более суровый, с угрозами революционным, но хорошая, в этом отношении, карма нам помогла.

Следователь был интеллигентный человек, видимо прочитавший пару теософических книг (что ему было необходимо для дела) и к тому же он был товарищем по гимназии мужа М.М. На столе у следователя было очень объемистое дело о нашем Отделе и всех нас. Задавая вопросы, он всё время перелистывал копию моей переписки с В.В., его очень беспокоила привычка В.В. называть знакомых не по именам, а прозвищами. Мое объяснение, что В.В. плохо запоминает имена и отчества, и расшифрование этих прозвищ, рассеяли мысль о конспирации. Всё кончилось благополучно; ни арестов, ни обысков, ни допросов других лиц не последовало.

Когда в 1928 г. из Ленинграда вернулся В.В., он застал только маленькую группу, так как почти все переехали в другие города. Собираться было всё труднее и труднее. Все мы были очень заняты, почти каждый вечер были обязательные собрания Школьного Совета, профсобрания или украинского кружка. Кроме того у всех эти собрания были в разные дни, а с введением пятидневки и шестидневки выходные дни тоже не совпадали, многие из нас освобождались с работы лишь около 10 часов вечера. Вместе с тем за большинством из нас следили.

Связь с Киевом у нас не прекращалась. Киев сумел организовать перевод и печатание (на папиросной бумаге) больших новых книг («Человек: как, откуда и куда», «Учителя и Путь», «Огонь творчества» и др.), и мы смогли приобрести их тоже. К сожалению, потом и это пришлось прекратить, так как стало известно, что готовятся репрессии на печатавших.

С закрытием Отдела распространение теософии всё же не прекратилось. Конечно не могло быть и речи о каких-либо открытых собраниях для публики, но каждый теософ в отдельности, встречая подходящих людей, рассказывал им о теософических учениях, иногда читал им книги или рукописи, а также давал их на дом — всё зависело от доверия к этим лицам. Приходилось всё это делать очень осмотрительно, так как в Советском Союзе никто никогда не мог быть уверенным, что не встретит «сексота» (секретного сотрудника ГПУ), который готов представиться интересующимся, чтобы собрать сведения и донести властям. Но у нас всё обошлось благополучно.

Осенью 1937 года волна «великой чистки» докатилась до Житомира. Всё чаще и чаще приходилось слышать об аресте известных в городе лиц. Особенного напряжения достигла «чистка» весной 1938 г.

25 апреля был арестован В.В. и целый ряд наших знакомых. Никто, не только из публики, но из самих арестованных не знал, в чем их обвиняют, и когда следователям надоело сочинять обвинения, они предлагали обвиняемым «выдумывать» себе обвинение.

После ареста Виктора Викторовича, когда волна террора несколько успокоилась, мы опять начали собираться. Нас осталось очень мало: два преподавателя музыки, М.М. и мы трое (сестра, брат и я).

С занятием Украины немцами погиб в Гестапо член нашего кружка, скрипач Яков Юльевич Остач.

Осенью 1943 г. все члены нашей группы, за исключением М.М., уехали в Германию. Что было после 1943 года, мы не знаем, но в одном мы уверены твердо — это что семена, посеянные Виктором Викторовичем, не пропадут даром. В том или другом месте, в то или иное время, они дадут светлые всходы.

Н. Рейнке.

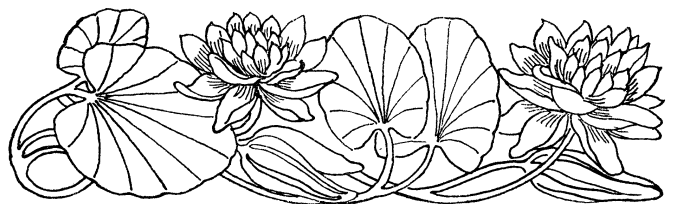
Сомервилл, Массачусетс, 2 февраля 1955 г.

В дополнение к воспоминаниям о работе и истории Отдела хочется дать некоторые статистические сведения. Часто приходится слышать, что теософией интересуются люди только пожилого возраста. В нашем Отделе, и насколько мы знаем, в Киевском, преобладали молодые.

Профессия, или будущая их профессия	Члены Т.О.	На правах членов после закр.	Из 70-75 интересовавшихся известных нам 36	Интересовавшиеся из Бердичева
Врачи	3	—	3	1
Препо. ВУЗов	1	1	—	—
Препо. школ	2	4	5	3
Препо. муз. уч.	1	3	1	—
Художники	1	—	2	—
Юристы	1	—	1	—
Землемеры	2	—	1	—
Служащие	6	1	15	—
Фармацевты	—	—	2	—
Археолог	—	—	1	—
Инженер	1	—	—	—
Дом. хозяйек	5	—	5	—
Итого	23	9	36	4
Мужчин	7	3	8	2
Женщин	16	6	28	2
Возраст в 1925 г.				
до 35 лет	13	4	21	—
до 50 лет	6	5	11	4
Свыше 50 л.	4	—	4	—

Н. Р.

Текст и фото взяты из журнала «Alba» №2, 3 и 4.

«Вестник теософии» (альманах эзотерической философии). Тираж 150 экз.

Редакционная коллегия:

Г. Авруцкий, А. Арманд, Л. Кривич, Н. Славинская.

Главный редактор — К. Зайцев.

E-mail: mto@theosophy.ru

Наш сайт — www.theosophy.ru